

Магическая академия куртизанок

Автор:

[Ольга Коротаева](#)

Магическая академия куртизанок

Ольга Ивановна Коротаева

«Магическая академия куртизанок» – фантастический роман Ольги Коротаевой, жанр любовное фэнтези, эротическое фэнтези.

Пожертвовать жизнью ради спасения семьи? Селеста согласилась, не задумываясь. Вот только один из магов высшего света не позволил ей умереть. Адор Белен, имя которого заставляет бледнеть каждую воспитанную леди, силой забрал девушку в самую постыдную академию столицы. Селесте предстоит стать любимой игрушкой мага, но она не позволит сломать свою волю: примет вызов судьбы и начнёт собственную игру.

Ольга Коротаева

Магическая академия куртизанок

© Коротаева Ольга

© ИДДК

Глава 1

Во рту колело так, будто туда насыпали битого стекла, металлический привкус вызывал тошноту. Смогу ли я произнести хоть слово? Исподлобья посмотрела на возвышение, где гордо восседали пятеро деев.

Трое искоса посматривали на меня, как на мерзкую гусеницу, которую искренне хотели раздавить и изо всех сил стремились это сделать, прикрываясь словами «справедливое возмездие». Четвёртый сидел, опустив голову настолько низко, что каштановые с проседью волосы полностью скрывали лицо. Он не посмотрел на меня ни разу с начала суда. Отец... Не такой поддержки я ждала!

Пятый же не отрывал пристального взгляда ни на мгновение: изучал, рассматривал, словно мартышку, на которой тренировал новое заклинание. Волна ненависти захлестнула меня, в груди стало жарко, в ушах зашумело: всё из-за Адора Белена. Будь он проклят!

Передо мной снова возник худощавый дей, который голодным котом ходил вокруг клетки, пытаюсь придумать, как ему вытащить и удушить законную добычу.

– Возможно, – вкрадчиво проговорил обвинитель, – вы убили верховного мага по чьему-то приказу?

Трое высших подались вперёд, как учуявшие кровь охотничьи псы, а дей Росио опустил голову ещё ниже, я уже видела его бледную шею, словно отец сам пытался подставиться под удар палача. Но я ему это не позволю! Если подозрение падёт на мага высшего света, его обвинят в измене и казнят всю семью. Уж лучше погибну я, но мать и сёстры будут жить!

С усилием выпрямила спину и твёрдо посмотрела на обвинителя.

– Я убила верховного мага по собственной воле, – едва ворочая распухшим языком, проговорила я и повторила: – Он попытался меня изнасиловать, и я ударила его проклятием.

– А кто же дал вам это проклятие? – не сдавался обвинитель и хохотнул: – Не сами же вы его создали!

– Сама, – твёрдо произнесла я и выплюнула: – Или вы забыли свидетельство дея Белена?

Обвинитель скривился так, словно залпом проглотил стакан вяжуще-кислого сока гомандской сливы. Проклятый Адор Белен действительно дал показания, что лично видел, как дочь дея Росио ранее применяла магию... Потому я и попала в клетку.

Обвинитель сверкнул чёрными глазами и, развернувшись к магам высшего света, пафосно провозгласил:

– Селеста Росио полностью признала свою вину, но не раскаялась в содеянном! Я требую смертной казни!

– Женщина с таким сильным даром к магии крови чрезвычайно опасна для общества! – взвизгнул дей с крысиным выражением лица. – Поддерживаю!

То же слово прозвучало ещё два раза, а после очень тихо:

– Протестую...

Я едва сдержалась, чтобы не зарыдать: ну почему он это делает? Голос отца не мог ничего изменить. Поддержи его решение хоть кто-нибудь из пяти, суд бы продолжился до тех пор, пока четыре верховных мага не согласятся друг с другом, но я была уверена, что Адор Белен лишь растягивает удовольствие, чтобы сполна насладиться страданием и болью жертвы. Ведь нет ничего больнее, чем дать отчаявшемуся хрупкую надежду, а потом разбить её.

Вот только я не надеялась. Глупо ждать снисхождения от этого черноволосого мужчины с кровавым взглядом и ледяным сердцем. В столице нет ни единого человека, который не был бы осведомлён о глубокой порочности дея Белена. Одно то, что он ректор в академии куртизанок, уже вызывает омерзение, об остальном и думать страшно...

Я содрогнулась и, вцепившись в прутья магической клетки, с ненавистью уставилась в бледное красивое лицо дея: говори же! Наконец этот унижительный кошмар закончится, и я смогу плюнуть в лицо обвинителю, который весь процесс

не только пытался доказать, что я своевольно занимаюсь запретной для женщин магией, но и постоянно пытался подставить моего отца... И умереть с лёгким сердцем, зная, что семья моя не пострадает.

Скрипнула зубами: ну зачем отец сопротивляется? Это лишь сделает хуже для сестёр... Если подозрение падёт на всех женщин нашей семьи, им уже ничего не поможет. Папа, посмотри на меня! Измени решение. Но дей Росио не поднимал головы. Я снова перевела взгляд на неподвижное лицо привлекательного внешне, но страшного внутри человека. Дей Белен молчал, и пауза затягивалась. Обвинитель заметно занервничал: худой дей снова заметался вокруг моей клетки так, что у меня закружилась голова. Вот бы сейчас глоток воды! Простой чистой воды... и умереть.

- Протестую!

Вздогнула: слово прозвучало раскатистым громом, а после наступила мёртвая тишина. Казалось, все перестали дышать, и лишь мой отец востепенно, словно старый умирающий пёс слышал голос хозяина и шевельнул хвостом.

- Что вы сказали, дей Белен? - срывающимся голосом спросил он.

- Протестую, - повторил маг.

Он поднялся и, заложив руки за спину, медленно спустился к клетке. Рассматривая меня, залепанную кровью верховного мага, с неприкрытой похотью, быстро облизнулся. В груди похолодело, дыхание перехватило: что же задумал этот ужасный человек?

- Дея Селеста Росио, - медленно, тщательно выговаривая каждое слово, начал Адор Белен, - совершила страшное преступление. Но не одно! Она не только зверски убила верховного мага, но ещё и опорочила доброе имя дея Уцеса. - Он резко остановился и, оторвав от меня свой тяжёлый неприятно-пронзительный взгляд, обернулся к другим судьям: - Я в ярости, деи! Не понимаю, как вас может устроить обыкновенная смертная казнь?! Неужели вы готовы простить юной потаскушке чудовищные преступления, лишь забрав её никчёмную жизнь?

Дей с противным крысиным лицом оперся грудью о стол и, хищно раздувая ноздри, хрипло спросил:

– Что вы предлагаете, дей Белен? Говорите же!

Маг развернулся и, глядя на меня в упор, улыбнулся так, что мои сжимающие прутья клетки пальцы онемели от напряжения, а ноги внезапно стали ватными. Понятия не имею, что придумал этот опасный человек, но уверена – это в сто раз хуже смерти. Посмотрела на папу, и сердце дрогнуло при виде его совершенно потерянного выражения лица.

Дей словно постарел сразу на десять лет: плечи опустились, глаза болезненно заблестели. На меня так и не посмотрел, но голову поднял. Проследила за его взглядом и болезненно застонала: неужели надеется, что это чудовище придумает что-то хорошее? Хотелось крикнуть: отец, скажи «поддерживаю обвинение» и положи конец этой ужасающей пытке. Но растрескавшиеся губы не слушались, я поняла, что прокусила язык, и гулко сглотнула наполнившую рот кровь. Жаль, что не владею магией крови...

Дей Белен повернулся и очень медленно, словно подкрадывающийся дикий зверь, шагнул к клетке. Быстро облизал чувственные, очерченные изящной бородкой губы и слегка сощурил свои алые глаза.

– Жизнь одного достойного человека оборвалась, – вкрадчиво проговорил он, – но в Гомандии ещё много, – очень много! – благородных деев, жизнь которых станет светлее и ярче, если дея Росио одарит их своим... вниманием!

Я быстро посмотрела на отца, не понимая, на что намекает это красноокое чудовище. Дей Росио побелел как простыня, глаза его расширились настолько, что я испугалась, как бы отца не хватил удар. Приникла к прутьям клетки и попыталась крикнуть, чтобы ему оказали помощь, но лишь захрипела, рот снова наполнился кровью. Протянула руку и, сплюнув, беззвучно прошептала проклятие. Кожу запястья словно лизнуло пламя, острая боль пронзила всё тело... Невольно отдернула руку: сдерживающая магия клетки уже почти иссушила меня, а теперь начала жечь.

Умираю? Хорошо. Меня, так или иначе, не оставят в живых... И лучше уж быстрая смерть, чем это мучительное растягивание. Но неужели никто не поможет отцу? Тот покачивался, но маги высшего света, казалось, не замечали состояния коллеги. Крысиное лицо одного из них покраснелось, да и у двух других глаза маслено заблестели, все взгляды обратились в мою сторону.

Дей Белен щёлкнул пальцами и, активировав неизвестное мне заклинание, со скрипом распахнул дверь клетки. Иссушающая жара, почти уже dokonавшая меня, откатилась, и я судорожно вдохнула, а ненавистный мужчина, отпихнув за лицо подскочившего обвинителя так, что тот отлетел к стене, подошёл ко мне. В упор глядя своими жуткими алыми глазами, почти промурлыкал:

– Вы посмотрите на неё! Свежий бутон. Нежность и чистота. Яркость и грация. – Повернулся к судьям и, приподняв густые чёрные брови, спросил: – Кто из вас отказался бы от... подобного сопровождения?

И тут смысл слов дея Белена дошёл до меня. Боль от предстоящего унижения взвилась яростным пожаром, выжигая нутро острее, чем магическая клетка заключения. Я бы закричала, но снова лишь выдавила хрип. Слабость охватила всё тело, я даже не смогла отшатнуться, когда Дей быстро подошёл вплотную и, с силой дёрнув за декольте, разодрал лиф платья.

Ворох нежного шёлка с шуршанием опустился под ноги. Некогда белоснежную, словно лепесток лотоса, ткань уродовали ужасающие багровые пятна запёкшейся крови. Чужой крови. А как мы долго выбирали ткань для моего первого бального платья! Сколько отец выложил за кусок снежно-кружевного шёлка, вспомнить страшно... Страшно?! Я вздрогнула и бросила ненавидящий взгляд на оживший кошмар, но при виде алых глаз дея Белена обхватила себя руками: в коротком льняном нижнем платье ощущала себя обнажённой перед этим чудовищем!

Впрочем, дышать стало легче, даже смогла выговорить:

– Вы не посмеете! Я благородная дея, дочь мага высшего света.

Губы Адора Белена изломались в холодной усмешке:

– Дея, которая обладает опаснейшим даром к магии крови, не может считаться благородной! – Повернулся к судьям и по-змеиному прошипел: – Но я считаю, что глупо убивать женщину, не вкусив её... Вы же знаете, деи, насколько мощным потоком силы может наполнить капля девственной магической крови?

– Уж не поэтому ли верховный пытался овладеть ей? – раздался позади едва слышный, но наполненный сочувствием шёпот.

Обернулась, но наткнулась лишь на осуждающие взгляды. Кто же это сказал? Или послышалось?

– Вы уверены, что бутон ещё не распечатан? – холодно спросил пятый судья.

– Скорее всего, – ухмыльнулся дей Белен. – Заполучи дей Лобо силу, он бы не погиб. Вот моё предложение, благородные деи: если вы согласитесь, я сотворю из этой девушки самый прекрасный алый цветок в Гомандии!

Я затряслась так, словно меня сунули в колодец: «алыми розами» называли куртизанок! Посмотрела на отца в поисках поддержки, но дей Росио, кусая бескровные губы, не отрывал болезненно-блестящего взгляда от Адора Белена. Попыталась дышать ровнее. Нет, отец никогда не позволит опозорить семью. Теперь он точно передумает и согласится на смертную казнь...

– Согласен, – вдруг хрипло проговорил крысёныш.

Старикашка облизал губы и посмотрел на меня так плотоядно, что захотелось выпустить единственное известное мне заклинание прямо в его блестящую лысину... Как жаль, что потеряла кулон с каплей крови отца – запустила бы им и без магии! Нет. Будь у меня амулет дея Росио, убила бы себя с помощью его силы. Но я совершенно беспомощна перед деями. Зло скрипнула зубами: самодовольные старикашки! Высокомерные уроды, которые бесцеремонно лезут друг на друга, чтобы оказаться ещё хоть чуточку выше остальных.

Услышала два других «согласен» и обмерла, словно пол ушёл из-под ног. Теперь голос отца ничего не значит! Беспомощно уронила руки и, покачнувшись, прошептала:

– Я ни за что не пойду на это.

Адор Белен лишь скривился и поднял руку:

– Решение принято.

Я испуганно посмотрела на его твёрдое лицо и, когда жёсткие пальцы мага обхватили моё предплечье, забились раненой птицей в силках. Дей Белен, не обращая внимания на сопротивление, поднял другую руку, губы мага зашевелились, слова заклинания преобразовывались и уже клубились над кожей моего плеча. Призрачный образ алой розы медленно подплывал всё ближе...

– Нет! Не смейте! Папа! Папа, спаси! – Не выдержав, зарыдала в голос: – Отец, убей меня! Убей прямо сейчас, слышишь! Проклятием в сердце! Убей...

Отец бросился к клетке, одним ударом откинул стражника и ворвался внутрь. Дей отпустил мою руку, и почти сформировавшаяся роза осыпалась кровавыми каплями, а я поспешно отползла в сторону. Отец сорвал с груди кулон и метнул в Белена, но тот легко уклонился: заклинание на капле крови ударилось о прутья и сверкающими искрами осыпалось на голову дея. Стражники отпрянули: никто и не подумал вмешаться в битву магов – себе дороже.

Белен даже не вздрогнул, он схватил моего отца за плечи и, рывком развернув спиной, скрутил руки, лишая любой возможности снова атаковать. Склонился к уху и принялся что-то нашёптывать. Лицо отца белело с каждым словом, дей Росио слабел и уже покачивался. Я поднялась на колени – Белен заклятием иссушает силу мага, как и эта бездна клетка! – и разъярённой змеёй бросилась на него. Обхватила ноги дея Белена и навалилась всем телом:

– Опустить моего отца, сволочь! Не смей!

Адор Белен выругался и, схватив меня за волосы, заставил посмотреть на него. Скрипя зубами, я вцепилась в его руки: голова взрывалась от боли так, что на глазах снова выступили слёзы. Зато маг отвлекся от моего отца, и тот сможет ответить заклинанием... А лучше смертельным проклятием!

Но дей Росио шагнул назад и, старательно избегая моего взгляда, развернулся и вышел из клетки. Я затрепетала, попыталась вырваться из жёсткой хватки мага, закричала изо всех сил:

– Папа, ты куда?

Неужели отец согласился, и меня сейчас клеймят позором на всю оставшуюся жизнь, бросят в лапы этому чудовищу! Дёрнулась так сильно, что услышала, как

трещат волосы. От боли и безысходности взвыла:

– Отец, не бросай меня! Убей! Папа...

Слёзы застилали глаза, всё тело, казалось, дышало страданием, не осталось ни единой клеточки, которая бы не болела. Я не видела вцепившегося в мою руку мага, но ощущала жаркое дыхание Адора Белена, слышала его жалящий заклинанием голос, практически осязала вновь возникшую над плечом алую розу. Рыдая, пинала дея, ломала ногти о шершавую ткань одежды и грубую кожу, но плечо уже пекла стигма. Раздирающий перепонки крик, наверное, принадлежал мне, но пожирающая все чувства боль на миг лишила меня рассудка.

Выплывая из тумана, непонимающе посмотрела на блестящие прутья клетки, в которой, кроме меня, уже никого не было, на закрытую дверь, на прямую спину стражника, на скривившееся лицо похожего на крысу мага. Дей пожирал меня похотливым взглядом.

– Надеюсь, ты говорила правду, – жарко прошептал он, – и всё ещё невинна. Я буду первым, цветочек... Куплю твою девственность!

Я обречённо закрыла глаза: цветочек. Теперь меня будут звать только так. Никакого имени. Никакого титула. Никакого будущего. Боль, страдание и стыд.

Глава 2

За день до бала

– Вирдес, – прижимаясь к ветке раскидистого дерева, прошипела я, – они уже близко!

Друг детства, с которым мы сотню раз обкидывали прохожих неспелыми сливами, пыхтел, спешно забираясь ко мне. Парень пытался не выронить метательные снаряды, которые набрал в саду. Удерживая зубами край рубашки

так, что был виден его тощий живот, Вирдес посмотрел на меня и произнёс:

– Ы?

– Да-да, – затараторила я, вытаскивая зелёные сливы из импровизированного мешка. – Скорее, не то упустим шанс!

Пристроив пару «снарядов» на ветке, переплела между собой пальцы и, выгнув ладони, с хрустом размяла суставы:

– Так. – Прищурилась, навскидку определила расстояние и примерную скорость ветра, прикусила нижнюю губу – привычка, оставшаяся с детства, – да, отогнув указательные пальцы, скрестила большие.

Вирдес уже уселся у основания ветки, опираясь спиной о ствол, выплюнул край рубашки и крикнул:

– Пли!

Прицелившись, я быстро произнесла:

– Адди исааб!

– Первый пошёл! – радостно подпрыгнул Вирдес. Прислонил ладонь ко лбу и, прищурившись, протянул: – Вот-вот... – Заметив, как резко дёрнулся всадник, едва от радости сам не слетел с дерева: – О несравненная дея Селеста Росио, ты попала! Попала!

– Разумеется, попала! Или сомневался? – ворчливо пробурчала я, но непослушные губы расплывались в довольной улыбке.

Разбуженный сливой всадник хорош собой, но красота его на мой вкус мрачновата: густые тёмные волосы, хищные черты лица, надменно изогнутые губы... А ещё мне показалось, что глаза его полыхнули красным. Покачала головой: не может быть! Что делать магу высшего света в нашем захолустье? Если он приехал к отцу, то свернул бы у указателя, но мужчина направил коня в направлении столицы. Скорее всего, кровавый блеск мне померещился и это

совершенно неинтересный путешествующий маг среднего круга, а кто скрывается за тёмными занавесками – любопытно!

– Запульну в карету, – прошептала я. – Посмотрим, кого сопровождает этот напыщенный дей? – Скрестила пальцы и, закусив губу, закрыла один глаз. – Адди исааб!

– Второй пошёл! – вытянул шею Вирдес.

Он смотрел в сторону забрызганной грязью кареты с таким же нетерпением, как и я. Не так часто нам удавалось разнообразить скучную жизнь старших отпрысков магических семей, и редкие путешественники, которым лень сворачивать с пути, чтобы пожаловаться на озорных подростков, значительно поднимали настроение. Я с любопытством подалась вперёд: сейчас слива влетит в открытое окошко кареты, и мы увидим, кто в ней едет. Может, это скучная законная жена мага, но, скорее всего, любовница!

Слива отскочила от стенки кареты, и я скрипнула зубами, а Вирдес захохотал так, что его белоснежные от природы волосы разметались по плечам. Иронично сверкнув синими глазами, восторженно взвыл:

– Промазала! – Подскочил на ветке и всплеснул руками: – Эй, все! Селеста промахнулась! Это свершилось!

– Тише ты, – шикнула я и боязливо оглянулась. Окно в кабинете отца распахнуто, но самого дея Росио не видно. Вздохнула с облегчением и беззлобно кинула: – Дурак! Ясно, окно под заклятием, вот и не попала. – Губы мои расплылись в улыбке: – Значит, внутри кареты точно не жена. Ах ты изменник! Сейчас я тебя накажу...

Не глядя, схватила следующий заряд и, прищурившись, выстрелила заклятием в мага. Странно, но за сливой потянулся сверкающий след. Вздрыгнула и, прижав руку к шее, похолодела от ужаса.

– О нет...

– Что? – Вирдес бросился ко мне. – Тебе плохо?

– Дею будет плохо, – немеющими губами прошептала я и с ужасом оглянулась на безмятежно покачивающегося в седле мага: – Мой кулон... я запустила вместо сливы свой кулон!

Когда он соскользнул с шеи? Порвала цепочку о ветку? Какая разница? Пристально посмотрела на дея в ожидании, когда он упадёт. Магия заклятия его не убьёт, но... Ох, зачем отец настоял, чтобы я постоянно носила кулон?! Что-то будет, ой-ёй...

Но в тот момент, когда магический снаряд должен был повергнуть ничего не подозревающего мага, дверца кареты неожиданно распахнулась, и оттуда вылетела огромная огненная птица. Встрепенулась алым опереньем у головы дея. На миг меня ослепила вспышка, и на землю вокруг кареты посыпались золотые искры. Конь взвился, маг гортанно крикнул. Всё случилось мгновенно, но словно вечность прошла.

«Птица» приземлилась и, откинув яркий хвост длинного шлейфа, оказалась обычной девушкой... Нет! Она точно не была обычной. Даже отсюда видно, насколько незнакомка красива, но при этом одета невероятно развратно.

Успокоив коня, всадник спешил и подошёл к сказочной птице, а девушка кокетливо поправила причёску. При этом на тонких предплечьях взметнулись полупрозрачные ткани рукавов с высокими разрезами – то, что я приняла за крылья. Тонкая талия незнакомки затянута в корсет, а юбка впереди короткая настолько, что я ощутила, как вспыхнули щёки.

– Это же «алая роза»! – ахнул Вирдес и завороченно прошептал: – Куртизанки ещё красивее, чем рассказывают...

Девушка выслушала мага и улыбнулась так соблазнительно, что мой друг громко булькнул и, едва не свалившись с дерева, вцепился в ветку. Я покосилась на его красные уши и недовольно фыркнула:

– Какая пошлость! Не понимаю, как можно выбрать такой путь в жизни.

– Куртизанкам разрешено изучать магию! – хитро сверкнул глазами Вирдес. – Разве ты не мечтала развивать свой дар?

– Мне было пять, – скривилась я. – Конечно, ребёнку хотелось стать таким же сильным магом, как отец. Но теперь я взрослая и скоро выйду замуж...

– Если не узнают, как ты швыряешь сливы, – продолжал подначивать друг.

Зло глянула на Вирдеса:

– Расскажешь кому и умрёшь!

Он расхохотался:

– Не переживай! Если никто не захочет жениться на тебе – это сделаю я!

Вспомнив о человеке, который приходит в мои сны, мечтательно улыбнулась:

– Моим мужем будешь не ты...

Вирдес нахмурился, неопределённо хмыкнул, но тут же иронично скривился и подмигнул:

– Подумай ещё раз... О карьере куртизанки. Замуж им выходить не надо!

– Лучше смерть, чем такой позор! – сурово отозвалась я и высокомерно фыркнула: – Посмотри, она же практически голая... Никакого простора воображению!

– Ты неправа, – поддразнил меня Вирдес, – простор огромный! Не то что у карглазых трусишек, которые и поцеловаться боятся...

Выразительно приподнял брови и вытянул губы трубочкой. Фыркнув, треснула его по шее. Вирдес засмеялся и, обернувшись, вдруг осёкся, поспешно прижался к ветке.

– Смотрит! – испуганно зашипел он. – Дей сюда смотрит. Прямо на тебя!

- Правда? – иронично фыркнула я. – Разглядел так далеко, да ещё в этих листьях?.. Да он уникальный маг с потрясающим зрением!

Повернулась, чтобы разоблачить шутку друга, и улыбка сползла с моих губ. Пронзительный взгляд красных глаз словно припечатал меня к стволу дерева, выбил воздух из лёгких, пошевелил волосы ледяным дуновением. Маг действительно видел меня и знал, что заклятие – моих рук дело. По спине прокатилась ледяная волна, а в груди за клубились серые вихри страха.

- Неужели пожалуется? – немеющими губами прошептала я. – Это конец!

Не отрываясь, смотрела на мага. Даже отсюда видно, как дей кривит свои красивые губы, словно размышляет, как наказать дерзкую девчонку. Точно заедет к отцу да нажалуется! Передёрнула плечами: ничего же не произошло! Скажу, что кулон случайно запулил Вирдес: у друга дар к магии воздуха. Зная проказливость юного дея Пура, поверят. Но дей Росио меня всё равно накажет. Возможно, даже на бал не отпустит! Сглотнула подкативший к горлу ком, но не позволила себе ни отвести взгляда, ни стушеваться. Ну и ябедничай! Подумаешь...

Вирдес посмотрел на меня снизу вверх и прошептал:

- Скорее всего, это сам Адор Белен!

- Что? – взвилась я и вцепилась в дерево. Всю гордость как ветром сдуло, я прижалась к ветке и зажмурилась: – О нет! Только не он... Кто угодно, только не он! Уходи же. Уезжай!

- Селеста, – жарко прошептал друг, – дей направляется к дому!

- Нет, – задрожала я. – Скажи, что это неправда!

- Правда! – с нажимом произнёс Вирдес. – Боюсь, тебе придётся извиниться перед ним... и цветочку поклониться!

Уловив знакомые интонации в его голосе, я приподнялась и, хитро глянув на друга, усмехнулась:

– Врёшь ведь! Издеваешься!

– Сама смотри! – хмыкнул тот.

Я вытянула шею и с опаской покосилась на дорогу, но никого не увидела: и всадник, и карета уже двигались по дороге в столицу. Выдохнула с облегчением и показала Вирдесу кулак, друг саркастично фыркнул и поднял свой. Сравнение, как всегда, не в мою пользу, но я не сдавалась. Щёлкнула парня по длинному носу и вопросительно приподняла брови: ответить девчонке тем же Вирдес не смог!

– Дея Селеста! – Услышав вопль служанки, встрепенулась и опасливо опустила глаза. Роза посмотрела на меня и недовольно покачала головой: – Благородная дея не должна лазить по деревьям, словно простолюдинка. Немедленно спускайтесь, иначе я всё расскажу дею Росио!

Показала Розе язык и непослушно поболтала ногами. Красная от злости служанка всплеснула руками и, развернувшись на каблуках, направилась к дому.

– Вот же ябеда, – раздражённо выдохнула я и виновато посмотрела на друга. – Тебе лучше уйти. Сейчас отец будет читать лекцию о правилах поведения бла-бла-благородных дей... Я засну на втором слове, а ты на третьем. Свалишься с дерева, сломаешь ногу и не сможешь потанцевать со мной на балу дебютанток.

– Ну, вообще-то, дей Росио прав, – осторожно проговорил Вирдес. – В восемнадцать лет дея должна себя вести, как взрослая...

– Должна, – скривилась я, – и буду. Завтра. А сегодня мне ещё семнадцать. Несколько часов беззаботного детства. – Вздохнула: – Уж ты-то мог и поддержать.

– Всегда, – широко улыбнулся Вирдес. Заметив приближающуюся фигуру хозяина дома, торопливо добавил: – Но только если рядом нет дея Росио!

И, ловко перебираясь по ветке, перелез на забор, исчез за стеной. Отец остановился под деревом и, вперив руки в бока, пробасил:

– Дея Селеста Росио, слезай сейчас же!

– Не хочу, – жалобно отозвалась я.

* * *

– Не хочу!

Обхватив себя руками, исподлобья посмотрела на сидящего в кресле мужчину. Чудовище! Дей Адор Белен, мой личный кошмар и мучитель, скользил внимательным взглядом по моему телу. Словно прикидывал, сколько прибыли я ему принесу после... обучения.

– Раздевайся, – сухо повторил маг.

– Не буду, – упрямо ответила я.

Старалась не подать виду, насколько мне страшно и как унижительно стоять перед ним в одном нижнем платье, но тело тряслось, словно от дикого холода, губы предательски подрагивали, и слёзы застилали глаза мутной пеленой.

После того, что произошло, стражники вывезли осуждённую из дворца прямо в клетке. Укрытая плотной тканью, я лишь могла прислушиваться. Город жил обычной жизнью: люди смеялись, делились новостями, и мало кто думал, что в крытой повозке везут бывшую дею навстречу страшной участи. Злость заструилась по венам, разжигая ярость, прогоняя страх, и я схватилась за неё. Ярость помогала не опустить головы, не сдаться, не пасть ещё ниже...

Встряхнув давно уже испорченной причёской, зло проговорила:

– Вы не заставите меня, дей Белен! Я никогда не подчинюсь. Не стану куртизанкой, что бы вы ни предприняли. Лучше убью себя и сохраню честь семьи!

Под конец тирады опустила напряжённые руки и, сжав кулаки, сорвалась на крик. Дей замер на мгновение, алые глаза его потемнели, но через секунду

усмехнулся. Скрестив руки, положил ногу на ногу и, покачивая ею, произнёс с обманчивой мягкостью:

– Убьёшь себя? Как же быть? Я пообещал твоему отцу две вещи. Первое – ты будешь жить.

Когда дей заговорил о моём отце, сердце сжалось от боли и обиды. Вспомнила сгорбленную спину и потерянный взгляд, стало горько, на ресницах вновь задрожали слёзы. Вся решимость развеялась, как дым. Не смогла сдержаться и жадно спросила:

– А вторая?

Дей резко поднялся и приблизился. Я с ужасом уставилась в его глаза, в которых закручивалось багровое пламя. Адор схватил меня за подбородок и прошипел:

– Что не буду обижать тебя. – Скривился и с издёвкой уточнил: – Но как быть, если эти два обещания противоречат друг другу? Что выбрать? Обидеть или позволить тебе убить себя?

Я со страхом смотрела на его бледные щёки, плотно сжатые губы, подрагивающие от рваного дыхания ноздри. За что он так со мной? Неужели одна маленькая шалость так его взбесила? Но даже если так... он уже отомстил. Или нет? Хочет дойти до конца? Унизить меня, растоптать, стереть мою волю? Сжала челюсти так, что скрипнули зубы, и процедила:

– Позвольте мне умереть, дей. Если вы... – с трудом выдавила, – благородный! Хоть когда-то были таким? Убейте меня или хотя бы дайте кинжал и отвернитесь.

Он сощурился, пристально всматриваясь в моё лицо. Потом вздохнул и, отпустив подбородок, холодно хмыкнул. Отступив на шаг, выхватил кинжал из золочёных ножен и вложил мне в ладонь:

– Отворачиваться не буду.

Я посмотрела на острие и гулко сглотнула, рука затряслась, и чтобы не выронить оружие, лихорадочно сжала пальцы. Судорожно втянула воздух и замахнулась: как же воткнуть в себя лезвие так, чтобы гарантированно умереть? Было страшно. Я боялась боли... но ещё больше боялась, что не смогу ударить. Растерянно смотрела на сверкающее острие и собиралась с духом. Дей Белен тихо проговорил:

– Все хотят жить, как ни странно. Даже те, кто кричит о желании умереть, не спешат пересечь эту грань. – Скривился и, словно любуясь моей нерешительностью, обошёл меня. – В итоге, за очень редкими исключениями, человек делает правильный выбор. Даже самая ужасная судьба лучше, чем неизвестное ничто...

Я тяжело дышала и неотрывно смотрела на кинжал: я такая? Выберу унижение, позор и презрение? Внутри похолодело, виски заныли, во рту пересохло. Ну уж нет! С силой втянув воздух, замахнулась и, зажмурившись, попыталась ударить себя кинжалом, но рука остановилась, зажатая в тисках жёстких пальцев Адора.

Губы мои затряслись, по щекам поползли крупные капли. Глотая их соль, прошептала:

– Вы же позволили... Пожалуйста... Отпустите...

Он вырвал кинжал из моей руки и раздражённо произнёс:

– Я дал выбор, но ты выбрала неправильно.

Я слабо опустилась на колени и, посмотрев на него снизу вверх, горько проговорила:

– Какой же это выбор? Вы дали кинжал, но не хотели, чтобы я им воспользовалась. Это иллюзия выбора... Зачем вы так со мной?

Дей Белен опустился на одно колено и, опершись на него локтем, снова посмотрел в мои глаза и жёстко произнёс:

– Потому что я не хотел делать вот так!

Протянул руку и сжал моё плечо, скрывая ладонью стигму с изображением кровавой розы. В этот миг мироздание взорвалось такой болью, что я растворилась в ней. Ослепла, оглохла, утратила все чувства и ориентиры. Меня просто не стало, превратилась в испепеляющую муку. Каждая клеточка кричала, стенала и молила о пощаде. Смертельная агония, бесконечно чёрная, бездонно глубокая, с резью алых кровавых всполохов, выжигала душу, разрывала сердце снова и снова. И снова...

А потом всё внезапно закончилось, и я рухнула на ковёр. Перед глазами прыгали тошнотворные цветные пятна, плыл мутный склизкий туман. Щека ощущала колючий ворс, взгляд с трудом сфокусировался на сапоге дея, плечо всё ещё хранило тепло его ладони, стигма горела так, словно её только что выжгли. Я слабо застонала, из глаз полились слёзы.

– Ты не будешь убивать себя. – Голос Адора Белена прозвучал и снаружи, и внутри, пронизывал насквозь, словно тысячи игл, и каждая клеточка тела отзывалась эхом той боли, которую мне только что пришлось пережить. – При каждой попытке навредить себе ты будешь испытывать то, что было сейчас.

В его голосе шелестели серые оттенки безразличия. Дей медленно поднялся с колена и направился к креслу. Снова уселся в него и, закинув ногу на ногу, сурово приказал:

– Раздевайся!

Глава 3

Адор задумчиво смотрел на дрожащую девушку. Селеста обхватила себя руками, в огромных тёпло-чайных глазах всё ещё плескалась боль. Едва сдержал тяжёлый вздох: не хотел доводить до этого, но девчонка так упряма! Ещё по

глупости выбросится из окна или проткнёт себя чем-нибудь. Не убьётся, конечно, но как потом смотреть в глаза дею Росио?

Вздых вырвался помимо воли: дочка старого друга выросла такой красивой! И такой глупой! Как можно было поверить приглашению на частную беседу в покои верховного мага? Как?! Для этого надо быть идиоткой... или настолько невинной, что это граничит с глупостью. А глупость всегда наказуема. Благо удалось отделаться малой кровью... Вспомнив, сколько крови он увидел в покоях верховного, жёстко усмехнулся: малой!

Теперь дворец затопят в крови: никто не останется в стороне. Каждый, кто имеет даже малый шанс, будет рвать зубами глотку соседу, лишь бы хоть на дюйм приблизиться к такому манящему трону! А виновница сейчас стоит посередине его комнаты. Спина прямая, подбородок высоко поднят. Смотрит с такой ненавистью, что, кажется, сейчас воздух заискрится. Губы пухлые гадливо кривит, словно покои Адора наполняет не аромат дорогих благовоний, а несёт гниль и серой.

Но демонстрация боли своё дело сделала – всегда делала! – Селеста медленно подняла тонкие руки и неохотно принялась стягивать с себя нижнее платье. Длинные изящные пальцы дрожат, обломанные о клетку и его одежду ногти царапают нежную жемчужную кожу, но девушка словно не замечает этого. Голову опустила так низко, что спутанные волосы закрывают зардевшееся лицо.

Ткань заскользила по плечам, нежной округлости груди, открыла жадному взгляду тонкую талию, впалый живот, с мягким шелестом замерла у изящных щиколоток. Селеста стыдливо закрылась руками и слегка сгорбилась. Адор посмотрел на подрагивающие алебастровые плечи, беззащитно проявляющиеся косточки и сурово проговорил:

– Нательную ленту тоже.

Девушка вскинула голову, алые от стыда щёки её побелели, глаза расширились.

– Нет, – прошептала она так тихо, что Адор едва уловил, – не надо...

– Снимай, – устало выдохнул он, резко поднялся с кресла, и, когда Селеста бросила быстрый взгляд в сторону двери, саркастично добавил: – Попытаешься

сбежать в таком виде?

Губы её задрожали, по щекам скользнули слёзы, руки несмело коснулись последнего кусочка ткани. Лента беззвучно упала на нижнее платье, а Селеста безвольно уронила руки. Она стояла, не опуская головы, обречённо смотрела прямо перед собой, кусала бескровные губы и глотала слёзы.

Адор приблизился вплотную, внимательный взгляд его заскользил по ровной гладкой коже девушки. Невольно отмечая идеальное сложение, пристально рассмотрел нежные полукружия груди, тёмные ореолы и маленькие розовые соски. Протянул руку и осторожно отвёл волосы, обнажая длинную шею, – Селеста вздрогнула и зябко поёжилась. Адор внимательно осмотрел узкую спину, пробежался взглядом по выступающим жемчужинам позвоночника до самой впадинки внизу. При виде милых ямочек на пояснице с трудом сдержал улыбку.

Присел на корточки, добросовестно оглядел крепкие округлые ягодицы и приказал:

– Повернись!

Селеста вздрогнула, но не сдвинулась с места, лишь прикрыла руками тёмный треугольник внизу живота. Адор сжал челюсти. Не в силах терпеть неповиновения, положил ладони на её бёдра и развернул так резко, что девушка испуганно вскрикнула. Нетерпеливо отвёл руки и осмотрел белоснежную кожу живота, скрывающие лоно тёмные блестящие завитки, опустил взгляд на стройные бёдра, исследовал тело до пальчиков на ногах.

Не обнаружив ничего подозрительного, медленно поднялся и отпустил её руки. Селеста тут же попыталась закрыться от его пристального взгляда, отвернулась. Нос деи подозрительно покраснел, грудь приподнималась рывками. Адор скрипнул зубами: снова слёзы. Их будет ещё больше. Потом.

Обернулся и крикнул:

– Гасия!

Дверь распахнулась мгновенно, словно женщина в строгом тёмном платье терпеливо ожидала у порога. Впрочем, Адор бы не удивился этому: заведующая всегда заранее знала, что он сделает или потребует, но терпеливо ожидала приказа. И этому же учила и девочек.

Кивнул на тряпки:

– Сжечь.

– Слушаюсь, – тихо ответила Гасия. И уточнила: – Могу я... отвести девушку в её комнату?

Адор задумчиво посмотрел на Селесту – она сжалась под взглядом, словно побитый щенок, – и покачал головой:

– Сначала омовение.

– Слушаюсь, – привычно отозвалась Гасия.

Адор вздохнул и добавил:

– Пусть приготовят мою купальню.

Судя по приподнятым бровям и недолгому молчанию, ему удалось её удивить. Впрочем, через секунду заведующая сухо кивнула, собрала окровавленную одежду длинными щипцами, запихала в мешок и покинула комнату. Адор вытащил из кармана тонкие бархатные перчатки, повернулся к дрожащей Селесте и приказал:

– Встань на колени.

Девушка бросила отчаянно-злой взгляд, слышимо заскрипела зубами, но медленно и неохотно опустилась. Понимала, что всё равно подчинится: добровольно или насильно. Адор подошёл вплотную и, расправляя ткань перчаток между пальцами, внимательно осмотрел её растрёпанные волосы. Некогда сложная многоярусная модная причёска была совершенным творением дорогостоящего мастера, но сейчас выглядела так же жалко, как

полуразрушенные стены его еще восемь лет назад величественного родового замка.

Осторожно Адор запустил пальцы в волосы, расплетая сложные косы, освобождая локоны от смятых или сломанных украшений. Тяжёлые пряди падали на обнажённые плечи одна за другой, а на пол осыпалась блестящая ненужная мишура. Селеста, поняв, что он делает, вдруг запрокинула голову и посмотрела снизу прямо в глаза Адора. Он невольно замер и, глядя на её расширенные зрачки, почти скрывающие карамельную радужку, на очерчивающие персиковые щёки мокрые дорожки, на приоткрытые от удивления пухлые губы, ощутил тянущее чувство в паху.

Селеста, казалось, хотела что-то сказать или спросить, но не решалась. Быстро облизала пересохшие от волнения губы, и когда Адор увидел её розовый язычок, возбудился так, что застучало в висках. Резко выдохнул и сжал пальцы в кулак, захватив очередную прядь её густых каштановых волос. Досадливо цокнул языком: нельзя так реагировать на дочь Росио! Он же впервые увидел её десятилетней девочкой... Когда после трагедии приехал в столицу и ввалился в дом друга – потерявший смысл жизни раненый двадцатилетний парень, – именно этот ребёнок первым кинулся на помощь.

Борясь с собой, неотрывно смотрел на её влажные после прикосновения языка губы: Селеста уже не ребёнок. Красивая сексуальная молодая женщина стояла перед ним на коленях, и его скрытый лишь тонкой тканью брюк напряжённый член почти упирался ей в лицо. Как же захотелось расстегнуть штаны и коснуться головкой этих губ! Дыхание стало рваным, от вожделения помутилось в глазах. Намотать прядь на руку, заставить девушку откинуть голову и войти в её рот, ощутить на члене влажный язычок. Погрузиться в прелестный ротик, выйти и снова вбиться, уже сильнее, до самого горла.

Селеста гулко сглотнула, и Адор почти застонал, а девушка, видимо, передумав спрашивать, обречённо опустила голову и, заметив оттопыривающуюся ткань его брюк, замерла на миг, тонко вскрикнула и попыталась отпрыгнуть, но Адор крепко держал её волосы.

– Не надо, – сжимая обеими руками его запястье, сбивчиво прошептала она и, избегая смотреть на Адора, зарыдала: – Пожалуйста! Не надо...

Адор судорожно вдохнул и, задержав дыхание, разжал пальцы. Дочь Росио, лихорадочно перебирая руками, отползла от него. Осуждающе покачал головой: не сдержался и повёл себя, словно юнец! Так завёлся при взгляде на красивую обнажённую девушку... Сказываются усталость и напряжение. Этот день был бесконечным и слишком уж насыщенным. И нечего стыдиться. Он не девчонку захотел, а разрядиться. Отвернулся и равнодушно проговорил:

- В соседней комнате купальня. Тебе нужно как следует вымыться. Справишься? - Покосился на забившуюся в угол девушку и, не удержавшись от колкости, скривился: - Или помочь?

Селеста торопливо замотала головой:

- Сама! Сама справлюсь. Не надо помогать.

С интересом проследил, как она, вздрагивая и оглядываясь, словно ежесекундно ожидала нападения, вдоль стеночки прокралась к выходу и с облегчённым выдохом выскользнула в коридор. Адор двинулся следом, желая убедиться, что Селеста не перепутает двери и попадёт именно в купальню, да нос к носу столкнулся с хрупкой миловидной девушкой.

- Лиция, - вздрогнул он. - Что случилось?

Куртизанка окинула быстрым колющим взглядом пустой коридор и на миг задержалась на двери, которая только что закрылась за Селестой. Тревожно посмотрела на дея Белена и тихо проговорила:

- Срочное сообщение от...

- Заходи, - перебил он.

Тоже посмотрел в направлении купальни и, впустив Лицию в свой кабинет, тщательно прикрыл дверь.

- Говори, - приказал он и уселся в кресло, с которого наблюдал за раздевающейся Селестой.

Теперь перед ним стояла другая.

– Дей Жессу обнаружил слабый след смертельного заклятия на крови, – выпалила Лиция. – А ещё на одной из подушек длинный коричневый волос.

– Дочь дея Росио отрицает, что делила ложе с верховным магом, – задумчиво протянул Адор. – Жаль, закон высшего света запрещает обучать магии одарённых девочек. Дворцовые упрямы считают, что это обезопасит систему, а в итоге женщины, не контролируя силу, делают глупости. У дея Росио сильный дар к магии крови, от страха она могла и убить.

Лиция кивнула:

– Дей Жессу сказал то же самое. Он не уверен, что это её волос. Но...

Подошла и уселась на подлокотник. Адор, ощутив терпкий аромат пачули, с удовольствием вдохнул. Лиция прекрасно знала о слабостях своего наставника и старалась ему угодить. Её высокая грудь с едва прикрытыми кружевными оборками сосками притягивала взгляд. Куртизанка понимающе опустила густые ресницы и, лукаво улыбнувшись, взяла его руку. Положила её на декольте и, мягко вырисовывая мужскими пальцами узоры на своей коже, томно промолвила:

– Даже дея Росио не верит словам дочери. Вы говорили, что дея Селеста вспыльчива и подчас жестока... Почему же пытаетесь спасти убийцу?

– Потому что я не уверен, что она убийца, – задумчиво ответил Адор. Наблюдая, как под его пальцами кожа куртизанки покрывается пупырышками, словно от холода, усмехнулся: Лиция медленно разгоняет потоки магии воздуха, чтобы прикосновения доставили мужчине ещё больше удовольствия. Прикрыв глаза, поддался сладко-дурманящему течению. Пробормотал: – Дей Уцес подозрительно яростно вцепился в девчонку, да и другие тоже... Никто не обратил внимания на противоречия. Дея из благородной семьи с сильным даром к магии крови, но при этом немного управляет силой воздуха. Я рассказал о том случае, пытаясь воззвать к разуму магов, но Уцес и детскую шалость сумел развернуть выгодной для обвинения стороной.

Голос его становился глуше, появилась хрипотца, дыхание прерывалось. Захотелось ощутить умелые ласки куртизанки ниже, но он не спешил, растягивая удовольствие. Лиция прошептала:

– Может, дей Уцес прав? Если верховный действительно попытался изнасиловать дею... Вы сказали, что девушка могла убить из страха.

– Дея Инсента Лобо? – Адор приоткрыл глаза и недоверчиво покачал головой. – Лишь глупец мог предположить, что неумелая девчонка, даже со спящим даром, смогла навредить магу, который прошёл семь кругов и занял пост верховного. – Усмехнулся: – Убить от ужаса, а потом хладнокровно скрыть все следы и терпеливо дожидаться стражников рядом с трупом. Но маги высшего света с удовольствием проглотили эту страшную... страшно удобную сказку!

– Но вы тоже поддержали обвинение! – не утерпела Лиция. И тут же опустила ресницы: – Простите, дей Белен. Она дочь вашего друга, и вы считаете её невиновной...

– Я не говорил этого.

Адор равнодушно прикрыл глаза и утомлённо откинулся затылком на подголовник. И сразу вспомнил, как обнажённая Селеста дрожала перед ним. Словно воочию увидел её влажный ротик и снова ощутил приятную ноющую боль внизу живота. Простонал:

– Да что же это? Наваждение, право...

Распахнул глаза и зло посмотрел на растерянную Лицию. Куртизанка отёрнула руки и замерла, не зная, чем рассердила его. Усмехнулся: он хотел бы видеть на её месте другую, но поддаваться соблазну нельзя.

Жаль, что дею Жессу пока не удалось найти во дворце хоть что-нибудь, что поможет доказать невиновность деи Селесты. Жаль, что на девчонке не нашлось ни малейшего следа от чужого проклятия. Те, кто стоит за убийством, хорошо подготовились. Или дочь Пилара гораздо умнее и коварнее, чем он думает. Не хотелось подозревать девчонку, но нужно проверить все возможности. В этом возрасте легко влюбляются, и некто мог воспользоваться чувствами неопытной деи.

Смерть верховного выгодна многим, особенно сейчас, когда во дворце появилось столько сильных магов крови. Дей Инсент Лобо был одиночкой и не доверял никому. Это его и погубило. Не бывает мага без врагов, но без союзников не будет и самого мага.

– Убила не она... – поглаживая нежную кожу на плече куртизанки, отрешённо протянул Адор. – Но я не считаю её невиновной. Селеста могла воспользоваться чужим заклятием. А это точно преднамеренное убийство. Странно только, что она не попыталась убежать. Возможно, хитрость. Тогда она потрясающая актриса...

– Чужим? – слегка удивилась Лиция и порывисто прижала его руку к плечу: – Как тогда, у замка её отца? Она метнула в вас кулон с магией дея Росио.

Скривилась и невольно прикоснулась к незаметной ранке над ухом. Адор кивнул: тогда он был сам не свой: почти не спал несколько дней, даже не ощутил опасность. Не вмешайся Лиция, жестокая шалость девчонки уложила бы его в постель на несколько дней. Мысль о постели снова вызвала воспоминание о мягких губах Селесты рядом с его возбуждённым членом. Зарывав, вырвал руку из ладоней куртизанки:

– Проклятье! Совершенно не могу сосредоточиться!

Откинулся на спинку кресла и глубоко вдохнул, пытаясь справиться с собой, но через мгновение умелые пальцы аккуратно освободили его возбуждённый член, пробежались лёгкими прикосновениями по напряжённому стволу, слегка сжали основание. Застонав, Адор представил перед собой брюнетку с карамельными глазами.

Глава 4

С замирающим сердцем влетела в первую попавшуюся дверь, спешно захлопнула её и прижалась к прохладному дереву обнажённым телом. Щёки горели от стыда, сердце болезненно плавилось при мысли, что дей последует за мной «помогать». Услышала шаги, тихий голос, и нутро словно скрутилось

ледяным жгутом, дыхание перехватило.

Зажмурилась, но тут же перед внутренним взором появился дей Белен и его оттопыренные брюки. В ужасе распахнула глаза: разумеется, я знала, что это такое! Мы с Вирдесом, словно близнецы, всегда были вместе, и когда я впервые увидела подобную картину, то долго хохотала и пыталась выпытать, зачем он запищал в брюки деревяшку. Мой обычно язвительный друг отчаянно покраснел и убежал, заинтриговав чрезвычайно... С того дня брюки его оттопыривались всё чаще, и я допытывалась всё яростнее, пока Вирдес не сдался.

Шок, в который поверг рассказ смущённого друга, не сравнить ни с чем. Поняла многое. А основное: почему мама так обижалась на отца, когда тот отправлялся в гости к своему другу дею Белену. Маг высшего света Адор Белен разбогател, продавая магическую любовь без обязательств. И даже открыл в столице академию, где, как говорят, обучали девушек тонкостям плотских утех. Ученицы быстро становились востребованными среди богачей. И дело даже не в красоте. Куртизанки могли усиливать наслаждение магией и каждый, вкусивший магическую любовь, не мог насытиться обыкновенной. Ходили слухи, что благородные деи выкупали у Белена куртизанок навсегда...

Прижалась ухом к двери и затаила дыхание: тихо. Воровато оглядела небольшую аккуратную комнату, посередине которой возвышался каменный бассейн, туманной дымкой плыл пар, пахло хвоей и мыльными орехами. Губ коснулась горькая улыбка: отец любил мыться ими. Я предпочитала травяные скрабы из лекарской лавки, но сейчас это уже неважно. Жизнь благородной деи в прошлом, теперь я – личная вещь чудовища. Тряхнула головой, пытаюсь избавиться от навязчивого воспоминания, и решительно направилась к бассейну.

Осторожно погрузила ноги в тёплую воду, прикрыла глаза и вздохнула. Стоит ли опускаться полностью? Стигма не болела (магическое клеймо терзало болью при неповиновении раба), но я всё равно боялась мочить рану. Уселась и, облокотившись на каменный бортик, подвела итог жуткого дня.

Выжила. Увы. Но теперь рабыня. Зато семья не пострадала. Стиснула зубы, с шумом выдыхая при воспоминании о дее с крысиным лицом, который отчаянно пытался доказать, что дей Росио отправил дочь убить верховного! Мол, кто ещё мог приблизиться к старому подозрительному магу, как не молодая привлекательная девушка? Вздохнула и пошевелила плечами: будто отец послал бы собственную дочь на верную смерть. Или мог? По шее поползли мурашки.

Когда отец возвращался от дея Белена (а он ещё ни разу не приехал от этого чудовища трезвым), то всегда поносил верховного так, что у нас уши полыхали. Мать потом неделю молчала и старалась своих покоев не покидать. А я прощала.

Дверь распахнулась, и я едва не ушла под воду от страха, ожидая увидеть мрачного мужчину с кровавым взглядом, но на пороге заметила тёмную фигуру в платье и облегчённо выдохнула. Гасия окинула меня недовольным взглядом и сурово поджала губы. Раздражённо хлопнула дверью, положила большой свёрток на узкий каменный столик и приблизилась.

– Тебе плохо? Больно? Дурно?

Я оцепенела от неожиданности: неужели эта строго-колючая дама мне сочувствует? Сморгнула слезу и, хоть все внутри выло от душевной боли, помотала головой:

– Всё в порядке, не беспокойтесь.

– Тогда почему всё ещё сидишь в купальне?! – вдруг рявкнула женщина. – Даже волосы не помыла.

Я растерянно посмотрела на неё, а Гасия присела на бортик и, закатав рукава, бесцеремонно дёрнула меня за волосы, требуя прислониться. Я ойкнула и наклонила голову, которую заведующая тут же принялась активно намыливать.

– Не понимаю дея Белена, – ворчала она. – Чтобы смыть последствия проклятия крови, достаточно окатить тебя зельем. Зачем устраивать целый заплыв?

Она отложила мешочек с мыльными орехами и резко нажала на мою голову с такой силой, что я нырнула. Всплеснув руками, выскочила на поверхность, судорожно вцепилась в бортик, моргая и отплёвываясь. А Гасия, злясь всё больше, схватила мои волосы и, не обращая внимания на возмущение, выжала их, словно тряпку.

– Вылезай, – бросила она и, поднявшись, подошла к свёртку.

Обхватив себя, я осторожно, чтобы не поскользнуться, вылезла из купальни. Не отрывая взгляда от рук заведующей, содрогалась от дурных предчувствий, но вместо алого платья с пошлыми разрезами, увидела шоколадно-коричневое с длинными рукавами и высоким кружевным воротом. Подобное было и на Гасии, так что не удивлюсь, если платье из гардероба заведующей.

Гасия помогла мне облачиться в наряд: понимала, что дело не в доброту, женщина явно куда-то торопилась и нервничала всё больше. В конце концов, она не выдержала и, приказав ожидать, умчалась так быстро, словно за ней гнались голодные волки. Я попыталась расправить паклю влажных спутанных волос, которые не привыкли к мыльным орехам. После трав мои локоны даже расчёсывать не требовалось, но Роза всё равно тщательно водила по «тёмному золоту», как она выражалась, широкой жёсткой щёткой.

Оставив тщетные попытки хоть как-то привести волосы в порядок, вздохнула: я больше не благородная дея, и прислуживать куртизанке никто не будет. И убить себя не могу... благодаря жестокости дея Белена. Остаётся только решить, что я уже умерла. А тело, которое по странной необходимости всё ещё дышит – не моё.

Странно, но эти сумасшедшие мысли успокаивали. Боль, стервятником терзающая сердце, немного отступила. Я словно получила вторую жизнь. Да, она не такая лёгкая и беззаботная, как предыдущая, и (кровавая бездна!) я хотела бы вернуться в прошлое. Но это невозможно, после смерти никто не возвращается. А значит, буду смотреть вперёд. Куртизанка! Низшее сословие, тряпка под ногами благородных деев... Новая жизнь. Никому не нужная. Мне – так точно.

На глаза попало блестящее лезвие ножа для колки мыльных орехов. Хищно ухмыльнулась: значит, я убийца? Медленно приблизилась и протянула руку, касаясь кончиками пальцев холодного металла. Жаль, что не умею использовать магию крови, иначе бы никто из моих мучителей не ушёл. Но кое-что всё-таки могу. Подняла руку и посмотрела в глаза своему отражению: в тёмном свете свечей взгляд казался таким же кровавым, как у дея Белена.

Развернулась и медленно, словно сквозь туман, двинулась к двери. Значит, это покои поработившего меня чудовища? Я не могу убить себя, но хотя бы попытаюсь отомстить. Согнув руку в локте, крепко держа нож, внимательно осмотрела бордовые стены коридора. В темноте показалось, что это кровь. Или

перед глазами у меня кровавая пелена? Двинулась в направлении комнаты дея. Сердце билось гулко и размеренно, в голове шумело, пальцы легли на прохладную узорчатую ручку, и я резко рванула дверь на себя. Да так и застыла на месте под влажные звуки.

Белен сидел в том же кресле, голова откинула, глаза закрыты. Перед ним на коленях стояла девушка, одной рукой она гладила себя между белоснежных на фоне откровенного алого платья ног, а второй ласкала поджарый живот мужчины. Голова куртизанки ритмично двигалась вверх и вниз, губы скользили, то поглощая светлый ствол, то выпуская его. Девушка со стоном облизывала красное навершие и снова насаживалась, причмокивая, словно пыталась проглотить.

Сердце моё замерло, по телу прокатилась жаркая волна, щёки вспыхнули. Я хотела отвернуться, закрыть глаза, убежать, но не смогла даже пошевелиться. Нож выпал из ослабевших пальцев и с глухим стуком вонзился в пол, дей Белен открыл глаза и зацепился за меня взглядом. Судорожно вдохнул, радужка его стала чернее крови, которая вытекала из корчащегося на полу верховного мага.

Белен запустил в волосы девушки руку и, не отрывая от меня странного будоражащего взгляда, приподнял бёдра, вбиваясь куртизанке в рот, заполняя постанывающую женщину. Я забыла, как дышать, прикованная к месту страшным взглядом чудовища. А Белен зарычал, содрогнулся и в последний раз вбил в рот куртизанки, прижимая её голову к своим бёдрам, а потом отпустил.

Я растерянно, будто в странном и жутком сне смотрела, как она отряхивается, словно собака после воды, как слегка покачиваясь, поднимается, вытирает мокрые от слёз щёки, но при этом её опухшие губы подрагивают в блаженной улыбке.

– Дей Белен, вы желаете продолжения? – хриловато-сладко спросила она.

Медленно поставила длинную стройную ножку на подлокотник и провела пальцами по внутренней стороне стройного бедра, но Белен смотрел на меня. Резко поднялся и, завязав тесёмку штанов, прорычал:

– Зачем пришла?

Куртизанка развернулась, и я узнала ту самую красавицу, которая диковинной птицей выскочила из кареты, когда в дея Белена по фатальной ошибке полетел кулон. Горько скривилась: жаль, что я тогда не попала.

- Селеста!

От резкого окрика Белена вздрогнула и мельком глянула на нож, потом на девушку и скрипнула зубами: увы, сейчас отомстить чудовищу не удастся. Дей ждал от меня ответа, а я в шоке от увиденного не могла выдавить ни слова. Ощувив рывок за локоть, растерянно оглянулась и при виде остро-злого лица Гасии улыбнулась. А потом расхохоталась под изумлённым взглядом куртизанки, безразличным Белена и осуждающим заведующей. Но, не в силах остановиться, смеялась так долго, что без сил осела на пол и, облокотившись на косяк, уже тихо постанывала. А по щекам катились и катились крупные слёзы.

Рывок, я повернулась к Гасии, у которой открывался рот, но слов не слышала. Снова засмеялась, и бледное лицо её исчезло. Надо мной склонился Белен. Надо мной? Я лежу? Какая разница? Чудовище! Повторяла снова и снова. Как приятно говорить это ему в лицо! Хохотала. Дей подхватил меня на руки. Посмотрела на его яростно-мрачную физиономию и рассмеялась. Так и есть – чудовище!

Его лицо пропало, теперь я смотрела на тёмный потолок и снова смеялась. На плечах ощутила руки, которые прижимали к узкой жёсткой кровати. Или это гроб? Я умерла? Наконец-то... Закрываю глаза и обнимаю тьму.

* * *

Адор выругался, но легче не стало. Прошёлся по тёмной комнате, нервно потрянул тёмной гривой волос, словно пытаюсь выбросить из головы то, что так его мучило. Гулко сглотнул, торопливо вышел на балкон и замер, сосредоточившись на ощущении лёгкого ветерка на своём лице. Разгорячённые щёки закололо, Адор удивлённо посмотрел на затянутое низкими свинцовыми тучами небо: дождь?

И снова вспомнил лицо Селесты, когда он её увидел на пороге своей комнаты. Волосы топорщатся, глаза блестят, как вишни, на светлой коже разгорелись яркие пятна от смущения, в руке мерцает холодом стали нож. Она пришла его

убить, но не стала этого делать. А затем яркий оргазм и вспышки силы в глазах. Умелые действия Лиции, её обволакивающая магия вдруг перестали существовать, на миг остались он и эта юная женщина.

Застонал и протёр влажное от дождя лицо: женщина? Она ещё девочка! Дочь Пилара. Зарычал и ударил по перилам, на запястье появилась кровь, ноющая боль привела в чувство. Появилась грусть. Когда нёс Селесту, она громко и неестественно смеялась, по щекам градом катились слёзы, в глазах закручивалось пламя безумия. Похоже, девушка достигла своего предела. Если Росио хочет, чтобы дочь сохранила разум, придётся приоткрыть ей опасную правду. Но если тот, кто руками деи убил верховного, найдёт способ поговорить с Селестой, она лишится последнего прибежища и погибнет.

Провёл рукой по мокрым волосам и стряхнул с кисти капли крови и дождя. Не навестить ли старого друга в его поместье? Всё равно уснуть теперь не удастся, так хоть проверить, как себя чувствует Пилар. Вспомнив о его чрезвычайно ревливой жене, усмехнулся. Это свидание будет смертельно опасно: после всех этих лет, когда дей Росио регулярно навещался в академию на собрания тайного совета, женщина отчаянно ненавидела Адора и наверняка жалела о том дне, когда разрешила мужу приютить раненого парнишку. Придётся взять с собой куртизанку: Реаза сможет защитить наставника. Но тогда дея Милос выцарапает глаза своему мужу! Усмехнулся и, вытерев лицо рукавом, вернулся в комнату.

Посмотрел на ковёр: Гасия успела убрать все заколки Селесты, наверняка всё это сожжено в жадном магическом пламени. Если на девушке и оставались какие-то проклятия или заклинания, то всё уничтожено, и дочь Росио чиста. Конечно, это предосторожность, возможно, лишняя... Нет! По суровому опыту восьми нелёгких лет – необходимая!

Скорее всего, основная часть заклятия была на платье, не зря же Селеста едва не теряла сознание перед судьями, но когда сорвал с неё одежду, щёки её слегка окрасились, дыхание стало ровнее, а глаза перестали мутнеть. Как понял, что дочь Пилара с трудом дышит, сразу бросился на помощь... и едва не получил от друга заклятием в грудь. Дей Росио набросился, как безумный! Впрочем, неудивительно...

Магия крови! Жестокое убийство. Селеста не могла ни слова вымолвить, когда её нашли рядом с телом. Тоже объяснимо: когда внешне здоровый человек вдруг

начинает стремительно истекать кровью (а та течёт из глаз, из ушей, изо рта, из-под ногтей), даже взрослый мужчина потеряет самообладание, а молоденькая девушка и вовсе может сойти с ума.

Вздрогнул и обернулся, тревожно посмотрел на закрытую дверь, прислушался к гулкой тишине дома, к шелесту дождя за окном и поморщился. Зачем проверять Селесту? Для этого есть Гасия. Заведующая будет держать юную дею подальше от учениц академии... и от него самого. Адор ясно дал понять, что общество Селесты ему неприятно.

Вышел в коридор и тихо прикрыл дверь. Всё равно ведь не уснуть, так зачем мерить шагами комнату? Лучше прогуляться по замку, возможно, стоит дойти до общежития, проверить, как ученицы соблюдают правила академии. Или прощупать охранные заклинания, убрать перегоревшие, пометить истощённые... Да, именно так и стоит поступить. Невидимый враг уже нанёс удар. Подлый удар – руками неопытной девушки по её собственному отцу. И то, что план провалился, разозлит этого человека... а скорее, этих людей.

Пока Селеста в безопасности, под защитой «репутации», которая ей так не нравится. Не понимает, что смерть конечна, а жизнь, даже на самом дне, заваливает шансами. Жаль, что за некоторыми приходится с головой нырять в дерьмо... Уж он-то знает!

Но всё равно лучше держать амулеты заряженными. Живее будешь!

За этими размышлениями текло время, Адор прогуливался по тёмному пустому замку, слушал звенящую тишину. Застыл перед дверью и нервно переступил с ноги на ногу: как он здесь оказался? Тихонько открыл незапертую дверь и медленно вошёл в маленькую комнатку, куда не так давно отнёс хохочущую Селесту. Встал у кровати и посмотрел на юное лицо.

Она что-то шептала во сне, подёргивалась так, что покрывало уже слетело на пол. Ночная сорочка задралась выше колен, открывая взору Адора стройные бёдра. Захотелось поднять подол ещё выше, провести кончиками пальцев по мягкой нежной коже, коснуться самой чувствительной точки на теле женщины, пробудить Селесту... во всех смыслах. Но лишь одёрнул подол и, подняв покрывало, наклонился, чтобы укрыть девушку.

Селеста распахнула глаза и молча посмотрела на него так, что Адор замер.

Глава 5

Бал дебютанток

Я шла по ослепительно сверкающему, практически пустому коридору, каждый шаг по яркому узорчатому ковру приближал к высоким, в три человеческих роста дверям. Приятно для слуха шелестела дорогая ткань шикарного белоснежного платья, меня провожали завистливые взгляды других дебютанток. Сердце колотилось всё сильнее, и через несколько шагов я уже с трудом могла дышать. Спокойно! Сегодня только немой не сказал, что я восхитительна. Бояться совершенно нечего.

Итак... Спина прямая, подбородок приподнят, взгляд игривый, широкая улыбка... Ох, челюсти свело, и глаз дёргается! Топчущийся у большого витражного окна пожилой деи умиленно посмотрел на меня, но тут же отшатнулся, словно заметил привидение. А его худая дочь едва сдержала смех. Тихонько вздохнула: платье великолепное, причёска сногшибательная, а вот нервно перекошенное лицо к ним явно не подходит. Все деи с отцами, а я одна... Несправедливо!

Остановилась и, опустив густо подведённые (так, что щипало глаза) веки, медленно вдохнула. Задержав дыхание, загибала пальцы на счёт. Это всегда помогало успокоиться. Три, четыре...

– Пять!

Подскочила от неожиданности и, закашлявшись, возмущённо посмотрела на Вирдеса. Откуда он взялся?! Едва восстановив дыхание, осторожно вытерла выступившие слёзы и зло ткнула друга в грудь:

– Совсем спятил?! Зачем так пугать?

Он довольно ухмыльнулся и погладил себя, словно я его не ударила, а приласкала. Расправил пышное кружевное жабо и подмигнул:

– Стоишь, трепещешь, почти как Роза перед встречей с садовником... Как пройти мимо?

– Ты мимо шёл? – взвилась я. Щёки ожгло при воспоминании о том, как мы с другом подсматривали за парочкой. – Вот и иди мимо! Сюда, – указала на узорчатые двери, – благородные деи скоро поведут своих совершеннолетних дочерей... – Хитро сощурилась: – Или дей Пура специально тебя так нарядил, чтобы за девушку приняли?

– Хуже! – ехидно парировал Вирдес. – У меня вдруг появилась совершеннолетняя дочь!

– Правда? – притворно изумилась я и огляделась: – Где же эта несчастная?

Вирдес довольно засмеялся и ткнул меня в плечо:

– Вот она!

– Папуля! – игриво воскликнула я, но, услышав раздавшееся со всех сторон змеиное шиканье, слегка покраснела: опять повелась на поддразнивание друга и попала в щекотливое положение. Прижала ладошку ко рту и прошипела: – Проваливай, а то сделаю так, что у тебя никогда не будет детей! – Поёжившись от осуждающих взглядов благородных деев и их разодетых дочерей, простонала: – Ну где же папа?

– Я серьёзно, Селеста, – виновато улыбнулся Вирдес. – Твой отец и на бал не сможет повести тебя. Прости за безрадостную весть. Дея Пура тоже призвали по важному делу. К сожалению, я – твой единственный вариант. – Он сощурился и снова расплылся в довольной кошачьей улыбке: – Нет, не к сожалению. Каюсь, я безумно рад, что в этот торжественный момент ты будешь опираться на мою руку. Значит, и первый танец за мной!..

Я уже не слушала. Губы задрожали, в горле возник ком: не придёт? Папа не придёт?! В такой день, в такой момент... Беззвучно прошептала:

– Как он мог? Неужели дела важнее, чем я? Снова бросил меня!

Зажмурилась, по щекам скользнули слёзы. Плевать, что смажется макияж! Просто не пойду. Все эти девушки будут идти рядом с отцами, а я... Громко всхлипнула. Разумеется, это не осталось незамеченным. Время приближалось, а рядом не отец, а молодой человек. И ладно бы брат, но у меня нет братьев. Девушки прикрывались ладошками, шептались. Послышались смешки. Какой позор!

– Никуда не пойду, – тихо, но твёрдо заявила я и, развернувшись, быстро двинулась по коридору.

Вирдес догнал, схватил за локоть:

– Селеста, не надо. Дей Росио обещал, что придёт сразу, как освободится...

Остановилась и с холодной улыбкой ответила:

– Я подожду, когда он освободится. Дома. Подумаешь, пропущу год! Ничего страшного...

По щекам опять покатались слёзы обиды.

– Да чем я тебя не устраиваю?! – вспылил Вирдес, снова привлекая всеобщее внимание.

Я шагнула и, глядя снизу вверх, прошептала:

– Не понимаешь?! Ты не отец, не брат, даже не родственник! Будут думать, что ты мой жених...

– И тебе это так противно? – сквозь зубы прошипел он. На щеках друга затанцевали желваки, синие глаза потемнели: – А вот я счастлив...

Не желая слушать, помотала головой и, оттолкнув его, побежала прочь, но меня перехватил за руку высокий худой мужчина с длинным носом и обвисшими щеками. Удивлённо посмотрела на незнакомого дея в роскошном камзоле.

Быстро оглянулась на Вирдеса в поисках защиты и робко улыбнулась незнакомцу:

– Вы, верно, ошиблись?

Может, перепутал меня со своей дочерью? Сейчас извинится и отпустит, но мужчина слегка приподнял прямые брови и сухо уточнил:

– Дея Селеста Росио?

Я кивнула и опасливо осмотрела его с головы до ног:

– А кто вы?

Вирдес невежливо потянул меня за тщательно завитый локон:

– Селеста, это же верховный... – Осёкся под суровым взглядом дея и тут же поклонился. Выпрямившись, представился: – Дей Вирдес Пура, старший сын...

– Рад видеть вас, дей Пура, – холодно перебил верховный маг и едва заметно улыбнулся мне: – Сожалею, дея Росио, что пришлось отвлечь вашего отца в такой торжественный момент. Позвольте загладить свою вину... Надеюсь, это исцелит ваше разочарование.

Он вытянул руку и разжал ладонь: из узловатых пальцев выскользнул золотистый кулон и, повиснув на цепочке, покачнулся. Внимание привлёк невероятно сияющий алый камень, который окружали чёрные мерцающие алмазы. Робко потянулась за кулоном, но дей зашёл мне за спину и, развернув цепочку, сам надел на меня подарок. Ощувив жёсткие пальцы на загровке, невольно вздрогнула. Застегнув замочек, верховный маг согнул руку в локте и добавил:

– Вы не возражаете против такой замены дею Росио?

Две девушки у окна ахнули, по коридору прокатился тихий ропот. Онемела от растерянности: такая честь! Но ответить-то надо! Щёки опалило жаром, во рту пересохло. Я, побоявшись, что не смогу нормально произнести ни слова, просто

кивнула и осторожно положила кончики пальцев на запястье верховного.

И снова подходила к этим огромным узорчатым дверям, едва ощущая собственные ноги. Лица плыли в мутном тумане, я плохо соображала, но старалась держать спину прямо, пыталась улыбаться. Вот слуги медленно отворили двери, за которыми начиналась новая жизнь. Я так ждала этого момента! Казалось, в дворцовой зале, несомненно, произойдёт чудо. Например, познакомлюсь с прекрасным деєм... Нет, не прекрасным. Если мужчина слишком красив, он будет изменять, – так мама говорила. И вздыхала, посматривая на отца, а тот каждый раз делал вид, что не слышит.

Мой дея должен быть обаятельным. Обязательно старше меня лет на пять-шесть, а лучше восемь – самая замечательная разница в возрасте. Мне всегда нравились парни постарше... Как тот, кто много лет назад ворвался в наш дом: одежда в кровавой грязи, красно-оранжевые глаза лихорадочно блестят, слова выдавить не может. Пошатнувшись, плашмя рухнул на пол. Я тогда жутко перепугалась, что он умер.

Вздрогнула и осмотрелась в огромном сверкающем зале: почему в такой знаменательный момент жизни я думаю о своей первой несчастной любви? Должна радоваться и улыбаться, а вместо этого на ресницах дрожат прозрачные капли. Всё же тот парень, неожиданно исчезнув, оставил глубокий шрам на моём сердце. Хватит обманывать себя: я ждала лишь его. И поэтому не хотела идти в зал под руку с Вирдесом. Но вот я здесь, и как найти свою любовь – не имею представления.

Шум множества голосов раздражал, от яркости нарядов, слившихся в разноцветный поток, появилась резь в глазах. Лиц я разглядеть не могла, все они превратились в светлые пятна. Сердце зашло в бешеном стуче: и как же я найду своего дея? Сжала челюсти и, опустив взгляд в пол, рассматривала затейливый рисунок натёртого до зеркального блеска паркета. Квадраты светлых тонов в вихре различных оттенков маленьких прямоугольников. Я как этот квадратик... и какой из кусочков дерева тот самый?

Прошло уже восемь лет, он мог сильно измениться. Узнаю ли я его? Узнает ли он меня? Сердце болезненно сжалось: а вдруг дея давно уже женат и не вспоминает о десятилетней девочке? Сглотнула комок в горле и растерянно посмотрела на верховного мага. Кажется, он что-то спросил и теперь ждёт ответа, а я не поняла ни слова. Зато вдруг вспомнила его имя: Инсент Лобо! Он с

интересом смотрел, и в красно-коричневой радужке его глаз вспыхнули знакомые огоньки. Похожие пробежали во взгляде отца, и тогда он становился раздражителен и нетерпелив. Магия крови!

- Да, дей Лобо, - поспешно произнесла я.

Злить верховного ни к чему. Что бы он ни спросил, вряд ли могу отказаться. Дей Лобо улыбнулся одними кончиками бескровных губ и потянул меня в середину зала. Я догадалась, что он пригласил дебютантку на танец, и на миг скривилась: это честь, безусловно, все будут смотреть на меня и завидовать... возможно, даже проклинать. Осторожно нащупала подаренный отцом кулон и незаметно вздохнула. Предпочла бы танцевать первый танец с папой. Ну или с тем, кто разбудит моё сердце. Пожилому дею с дряхлым телом и пресыщенным взглядом это точно недоступно.

Постаралась сосредоточиться на музыкальных переливах и танцевальных движениях: привычно и неинтересно. Даже то, что сейчас я в центре внимания, лишь настораживало. Ожидание чуда оказалось приятнее, чем сам бал. Да, всё великолепно, но слишком наигранно: неискренние улыбки, косые взгляды, шёпот отсроченных заклинаний... Разумеется, серьёзных заклятий никто не произнесёт. Во дворце это запрещено, да и стража не дремлет. Нарушителя сразу же скрутят и бросят в темницу. А если кто-то серьёзно пострадает, то несчастный тут же угодит на суд пяти.

Нет. Не несчастный. Безумец! Только сумасшедший нападёт открыто, для этого есть таверны на окраине столицы и жадные, готовые на всё наёмники. Но в удовольствии насладиться дурноту или заставить перепутать па, или споткнуться завистливые деи себе не отказывают. Настоящее гнездо гадюк!

Заметила злобный отблеск во взгляде молодой особы с башней на голове (ну и причёска!), и кулон на груди разогрелся так, что едва сдержалась от вскрика. Мощное заклятие! Дрожа и злясь, оглянулась на девицу с невинными глазами: и куда только стражники смотрят? Благородные деи не владеют магией - значит, она купила себе кровавую игрушку. И даже не жалеет на меня денег, ведь стоит амулет активировать, побрякушку можно выбросить. Захотелось подойти и образумить её пощёчиной. Кулон всё нагревался, и я скрипнула зубами: не уймётся!

– Вам нехорошо?

Заботливый голос верховного отвлек от мстительной девушки. Ощувив, как кулон едва не обжигает грудь, кивнула:

– Голова кружится. Кажется, я танцую не так хорошо, как вы...

Он остановился и, не отпуская моей руки, тепло улыбнулся:

– Это простиительно, дея Селеста. Разрешите вас так называть? – Я кивнула: хотелось посмотреть на дею, которая отказала бы. А он продолжал: – Позвольте проводить вас туда, где можно отдохнуть.

Я недоумённо посмотрела на свою кисть в его ладони, верховный сжал её как-то слишком уж сильно: ощущение опасности вспыхнуло молнией. Поспешно улыбнулась и затараторила:

– Благодарю вас, дей Лобо! Вы необычайно добры. Но сейчас мне срочно надо передать весть дею Пура... Совершенно вылетело из головы, когда вы предложили честь сопроводить на бал. Это очень важно, и я...

– Хорошо, – прервал верховный.

Отпустил мою руку и равнодушно отвернулся, к дею Лобо тут же подскочила красивая молодая женщина и, победно сверкнув синими глазами, закружила его в вихре танца. Я даже не поняла, та ли это девица с башней на голове или другая. Главное, рука моя свободна и папин кулон не жжёт кожу на груди. Очень хотелось сорвать с шеи второй, подаренный верховным. Он неприятно охлаждал ложбинку и был слишком уж приметным. Сдёрнула и сунула в карман.

Растерянно осмотрелась среди танцующих пар. Возникло чувство, словно моё шикарное платье внезапно превратилось в лохмотья, а я сама – в уродину. Во всяком случае, на меня именно так смотрели – с жалостью и лёгким презрением. Плевать! Пусть думают что хотят. Очень уж масляным взглядом мазнул верховный по моему украшенному двумя кулонами декольте.

С трудом сдерживая желание неблагородно скрестить руки на груди, чтобы скрыться от неприятного внимания, я пыталась понять, куда можно отойти, чтобы не мешать танцующим, как подошёл Вирдес. Друг с широкой улыбкой протянул руку и подмигнул:

- Теперь-то ты не откажешься потанцевать?

С благодарной улыбкой посмотрела на него и вложила пальчики в сильную ладонь дея Пура. Честно признаться, выглядел Вирдес превосходно! Трудно узнать в благородном дее в изящном светло-голубом сюртуке и уложенными в сложную причёску светлыми волосами вечно растрёпанного приятеля из соседнего поместья.

- Что? - насторожился Вирдес. - Ты так пристально меня разглядываешь, словно впервые видишь.

- Такое чувство, - невольно усмехнулась я и сощурилась. - А ты, оказывается, весьма привлекателен...

- Ого! - Вирдес восхищённо сверкнул синими глазами. - Наконец-то ты признала это! Не прошло и... сколько тебе? Не прошло и десяти лет, как ты соизволила согласиться с неоспоримым фактом. - Подмигнул: - Может, подаришь мне первый поцелуй?

- И не мечтай, - фыркнула я.

При воспоминании о первом поцелуе улыбка растаяла. Не могу же рассказать, что он уже подарен... Как и признаться, что чувства мои были отвергнуты, а сердце разбито. Ах, как я мечтала об этом бале! Думала, что войду в эти двери, опираясь на руку отца. Даже если тот, о ком я столько лет думала, не узнает в красивой дебютантке десятилетнюю девочку, дея Росио-то он заметил бы... Грезила, как увидит, обомлеет и пожалеет, что отверг меня. Все говорили, что я выросла настоящей красавицей! Будет кусать локти и умолять о прощении. Тайком смахнула слезу. Всё напрасно!

- Тебе нехорошо? - взволнованно спросил Вирдес. - Ты побледнела.

– Да не особо, – мрачно хмыкнула я, ощущая, как папин кулон снова нагрелся. – Меня постоянно осыпают проклятиями. Одна девица так взъелась, что я удивлена, почему стражники не обращают на неё внимания... Защита отца едва отражает магию её амулета!

Вирдес гадливо скривился:

– Стражники тоже люди, Селеста. Их можно купить или запугать. Если возникнет необходимость выбирать между неизвестной девушкой, которая привлекла внимание верховного, и дочерью верховного мага, они предпочтут не замечать даже сильных проклятий...

– Но я тоже дочь верховного мага! – возмутилась я.

– Но они-то об этом не знают, – равнодушно пожал плечами Вирдес и назидательно проговорил: – Вот поэтому надо было соглашаться и идти со мной. Никто бы на тебя и не посмотрел... – Самодовольно улыбнулся: – Все бы любовались мной!

– Ну и самомнение ты отрастил, смотри не споткнись об него! – фыркнула я и покачала головой. – Если ты такой неотразимый, почему же никто с тобой не захотел танцевать?

Он посмотрел неожиданно серьёзно и тихо ответил:

– Потому что я хотел танцевать только с тобой, Селеста. Давно хочу сказать...

Я вздрогнула и, замерев, уставилась на одного из мужчин. Он стоял ко мне спиной и разговаривал с пожилым бородатым деом. Показалось знакомым до боли и движение плечами, и поворот головы... Вот так же кивал тот, кому я отдала своё сердце. Не слушая смущённое бормотание друга, опустила руки и, словно сквозь удушающий белесый туман, направилась к темноволосому дею.

Я его ощутила даже во сне. Дей Адор Белен, мой личный палач и страшный кошмар! Распахнула глаза и посмотрела прямо в алые глаза мага. Он склонился надо мной и, придерживая покрывало, не двигался. Хотел раздеть? Поцеловать? Овладеть?! Запоздало вздрогнула и, с трудом взяв себя в руки, проговорила:

– Вы чудовище. Ненавижу вас.

Затаила дыхание в ожидании ответа. Сердце билось гулко и неровно, по телу прошла волна жара, ладони вспотели. Дей Белен не двигался, не спускал с меня глаз, словно я могу попросту исчезнуть. Жаль, что не могу...

– Что? – не выдержала я. – Рассчитывали изнасиловать меня во сне? Сожалею, я не так крепко сплю.

Он молчал, лишь пальцы, сжимающие моё покрывало, побелели, а глаза потемнели настолько, что кровавый оттенок почти растворился в блестящей черноте. Тело моё была нервная дрожь, от страха не могла остановиться и всё говорила:

– Вы мне противны! Мутит от одного вида, плохо от вашего запаха... Не бойтесь, что меня вырвет? Или вас это заводит?

– Вот как?

Голос его обдал колким холодом. Дей выпрямился, отпустил покрывало. Тёмный взгляд его не сулил ничего хорошего, впрочем, я хорошего и не ждала. Но всё равно испугалась ещё больше. Захотелось залезть под кровать, словно я снова маленькая девочка и дрожу в ожидании монстра, который вылезает из шкафа... Жаль, что на мне лишь тонкая сорочка! Когда попросила нательную ленту, к которой приучила нас с сёстрами мать и без которой я ощущала себя обнажённой, Гасия посмотрела на меня так, словно у заведующей попросили пару бриллиантов.

– Я противен тебе?

Эх, надо было придумать что-нибудь: оторвать кусок подола от сорочки или ещё что... Я перед деом беззащитна. О проклятье крови! Я перед ним и так

беззащитна: в ленте или без. Стигма на плече – яркое и болезненное тому подтверждение. Неужели он меня изнасилует? Глянула исподлобья: медлит так, словно наслаждается моей беспомощностью и страхом. Сжала ноги и решила бороться до конца.

– А ещё каких-то восемь лет назад ты бросалась на меня, как кошка, – саркастично скривился дей Белен и тут же поправился: – Как маленький нескладный котёнок. Решила, что уже взрослая и можешь говорить о любви... даже целовать мужчину! А теперь строишь невинность?

Я посмотрела на него, как на умалишённого: что он такое говорит? Может, перепутал комнаты? Решил, что попал в спальню той брюнетки, которая... Вспомнила картину, которую увидела в кабинете дея, и вспыхнула до кончиков волос. Как двигалась голова куртизанки и как приоткрылись губы мага, когда он посмотрел на меня. Его расширенные зрачки и сладострастный стон, когда он насаживал девушку на свой член, извергаясь ей в рот. Стиснула ноги так, что заболели колени, внизу живота заныло. Зажмурилась и постаралась выбросить увиденное из головы, стереть из памяти. Выдавила хриплое:

– О чём вы?

Не выдержав молчания, опасливо покосилась на дея. Показалось, что он смотрит осуждающе: губы поджаты, глаза сощурены. На миг скривился и словно выплюнул:

– В доме твоего отца дея Росио раненый мужчина, которого ты поцеловала одной ночью... восемь лет назад. Это был я.

Я судорожно вдохнула, перед глазами заплясали цветные пятна, кожу на затылке сжало холодом. Дей Белен?! Не может быть! Это не может быть он... Просто не может! У моего любимого впалые щёки и квадратный подбородок с ямочкой, сумасшедше-чувственные губы... Скользнула по лицу дея Белена: борода скрывала и ямочку, и делала щёки не такими впалыми. По телу прокатилась волна жара, дыхание перехватило: так это его я увидела со спины во время танца с Вирдесом?

– Нет, – засмеялась, но резко оборвала собственный смех. Посмотрела на мрачного дея и отчаянно помотала головой: – Нет, нет, нет! Не может быть!

Он склонился над кроватью и, упершись ладонями по обе стороны от моего тела, пристально посмотрел на меня.

– Оттого что ты отрицаешь прошлое, оно не изменится, Селеста, – жёстко проговорил он. – Ты пришла в мою комнату ночью, совсем как я сейчас, и призналась в любви.

Меня затрясло так, что зуб на зуб не попадал. Похоже, жизнь прекратилась в несмешную пародию. Тот, о ком я думала столько лет... оказался мерзавцем! А я так надеялась, мечтала... Обижалась, что он ушёл, так и не ответив. А что мог ответить дей Белен? Подожду, когда ты подрастёшь, чтобы могла ноги раздвигать? По щекам потекли слёзы. Дождался!

– Ненавижу! – прошипела я и ударила его по груди. Дей не сдвинулся с места, даже бровь не шевельнулась. Я снова ткнула его кулаком: – Ненавижу!

Белен смотрел, нахмурившись, а потом вдруг резко склонился и, схватив мои волосы, впился в губы жёстким болезненным поцелуем. Я пискнула, попыталась оттолкнуть, но мужчина навалился всем телом, прижал к кровати так, что перехватило дыхание. Раздвинул губы и, скользнув языком в рот, коснулся моего. Я замотала головой, ощущая сильнейшее омерзение, а по телу прокатилась неожиданно сладкая тягучая волна, стало жарко. Очень жарко. Я извивалась под деєм, пыталась укусить, но Белен отстранялся каждый раз, а потом снова накрывал мой рот властным поцелуем.

Извернувшись, я согнула ноги в коленях и изо всех сил оттолкнула его. Белен слетел с кровати и с глухим стуком впечатался в стену. Зарычал, словно раненый зверь, медленно поднялся и, тяжело и рвано дыша, посмотрел на меня колючим кровавым взглядом. Сердце зашло от ужаса, губы пересохли. Застыла, боясь пошевелиться. Казалось, что стоит сделать хоть одно движение, как дей Белен набросится на меня, растерзает, получит полную власть. Так и смотрела на него, как на хищника, не отрывая напряжённого взгляда, готовая ко всему.

Но он не бросился. Молча выпрямился, очень медленно, шумно вдохнул и выдохнул. Сжав челюсти так, что по скулам затанцевали желваки, развернулся и неторопливо вышел. Когда хлопнула дверь, перед глазами потемнело от облегчения, я едва не потеряла сознание. Рвано дыша, смотрела перед собой и, ожидая, когда тёмное марево рассеется, ощущала в груди болезненную пустоту.

Дрожа, подняла руки и хлопнула себя по щеке. Не помогло. Ударила по другой. Из глаз снова покатались крупные солёные капли.

– Дурочка, – шептала я, сглатывая их и судорожно всхлипывая. – С ума сошла! Совершенная идиотка...

Зажмурившись, уткнулась зарёванным лицом в покрывало. Облегчение оттого, что дей Белен покинул мою комнату, сменилось острой горечью... по этому же поводу.

* * *

Адор шёл по тёмному коридору так быстро, как только мог, но этого было недостаточно, – побежал. Захотелось выскочить на улицу, в дождь, в ветер, в холод... хоть как-то охладить тело. Вскочить на лошадь и сбежать от испуганного взгляда бархатных глаз, который, казалось, даже сейчас преследует его.

– Идиот, – рычал Адор. – И с чего так завёлся?

Злость на себя рвала лёгкие неровным дыханием, неудовлетворённое желание жгло вены, болезненно тянуло низ живота. Зря вспылал и, не сдержавшись, рассказал о том забавном случае. Зачем Селесте вспоминать о детской влюблённости? Да она наверняка и не помнит, как девочкой прокралась в комнату гостя. Криво усмехнулся: нет, всё помнит!

И судя по яростному взгляду, так и не простила его смех. А как должен был отреагировать мужчина, которого будит неумелый детский поцелуй? Но сейчас Селеста совсем не девочка... И взгляд её глаз, огромных, блестящих, никак не отпускал Адора.

Образ сжавшейся на кровати Селесты преследовал его: подрагивающая, бледная... доступная. Сорочка не скрывала от жадного взора ни мягкие очертания девичьего тела, ни напряжённые соски... Застонал, вспоминая, как просвечивал сквозь ткань тёмный треугольник внизу живота. Дочь Росио! Ребёнок дея, который не отказал в помощи, когда отвернулись все. Что бы

сделал друг, узнай он о мыслях, которые не оставляют Адора?

Чувство вины разливалось в груди неприятными волнами, но возбуждение так и не проходило. Вожделение, казалось, выворачивало наизнанку, сушило губы, сочились влагой в штанах. Адор резко остановился перед дверью и скрипнул зубами: не поможет. Ни дождь, ни ночная скачка, ни даже купание в ледяных водах реки. Нужно иное. Медленно развернулся и решительно пошагал ко входу в левое крыло замка.

Жарко! Рванул рубашку, ткань затрещала, пуговицы отлетели со стуком, покатались по полу. Дверь не заперта, даже не скрипнула, хлопнула за спиной, отрезав Адора от холодной темноты. Он попал в тёплое, наполненное духом благовоний и ароматами цветов, место. Слух услаждали тихие звуки музыки и интимный смех. Мягкие бордовые занавески с тяжёлыми золотистыми кистями скрывали стены и разделяли оплот страсти и удовольствия на отдельные, скрытые тяжёлыми занавесками комнатухи.

Услышав сладострастный стон, Адор ухмыльнулся и, приподняв ткань, шагнул в один из альковов. Стало легко и понятно. Это обычная жизнь. А чувство вины, поскуливая побитой собакой, осталось у двери в основную часть его замка. В левом крыле не место сожалениям и воспоминаниям, здесь царит страсть и стремление удовлетворить свои желания. Все желания. А он хотел женщину. Страстно хотел.

Прошёл дальше. Заметив на одной из кушеток слившуюся в единое целое пару, хмыкнул и тихонько проскользнул в широкую, залитую цветом свечей и смехом девушек прихожую. Стало очень тихо, лишь там, за занавесками, постанывала ещё одна из куртизанок. Ей вторил тихий рык мужчины.

– Дей Белен? – Гасия, лавируя среди девушек в откровенных нарядах, направилась навстречу. – У вас появились особые распоряжения? – Замерла и выразительно осмотрела его разорванную рубашку и топорщащиеся штаны: – О-о...

Услышав это «о-о», девушки поднялись с кресел и окружили своего хозяина. Адор молча обвёл взглядом куртизанок и коротко кивнул:

– Ты и ты... – посмотрел на третью и выдохнул: – Ты тоже.

Стараясь не думать о том, что все три девушки с тёмными волосами и карими глазами, спешно направился к одному из скрытых занавесками альковов. На пути встала Лиция: уперев руки в боки, выставила округлое бедро и собственническим тоном спросила:

– Может, вместо них я одна справлюсь?

Адор молча обогнул растерянную и злую куртизанку и, откинув полог, нырнул в полутьму. Девушки, которые спешили следом, тут же потянулись к Адору, он ощутил на себе умелые ласковые руки. Одна стянула рубашку дея, вторая развязала брюки. Нетерпеливо схватив её за плечи, прижал к стене и впился жадным поцелуем в податливые губы. Ощувив дразнящий язычок девушки, отстранился и, выругавшись, оттолкнул её. Повернулся к другой и, бросив на кушетку, прижал своим телом. По коже, приподнимая волоски, щекощущими ручейками поползла водная магия... Рыкнул. Всё не то!

Злость росла, словно ком грязи под телегой. Облепившие его девушки были слишком умелыми, слишком сладко стонали, слишком мягко окутывали его своей разноцветной магией. Ощущения казались острее, вожделение сильнее, но он-то понимал, что это всё искусственное! Он сам их обучил, и теперь лишь рычал от ярости, а девушки, не понимая злости наставника, старались лишь сильнее.

– Сопrotивляйся, – прохрипел он. – И чтобы никакой магии.

Девушка под ним тут же сменила тактику, пыталась отпихнуть, сбежать, Адор ощутил её зубы на плече. Закрыв глаза, представил Селесту, застонал. Её блестящие, словно спелые вишни, глаза, приоткрытые пухлые губы. Как же хочется впиться в них страстным поцелуем! Девушка постанывала под ним, а Адору этого было мало. Сжал нежную округлую грудь, задрожал всем телом. Что делает с ним маленькая дея Росио? Почему так заводит даже без магии? Или это магия крови так действует? Тогда неудивительно, что верховный попытался изнасиловать девушку. Возможно, он так же лишился разума, ощущая силу Селесты, вдыхая аромат её девственной кожи, будоража фантазию чувственными картинами.

Адор нетерпеливым рывком отвёл острое колено куртизанки в сторону и с рыком вошёл в лоно. Вбиваясь с яростью, целиком отдаваясь вожделению, шептал имя

другой – недоступной – девушки. Кровь стучала в висках, в ушах звенело, мысли путались. Что-то о верховном... Смерть, боль, кровь. Кровь! Как же он жаждет её девственной крови... Вот она, магия! Сила Селесты в её целомудрии, пока она девственница, её будут хотеть, чтобы забрать магию крови, за счёт девушки подняться на новый уровень власти. Осознав это, Адор захрипел и, взрываясь острым удовольствием, содрогнулся в сладком спазме. Куртизанка под ним затихла, другие, не понимая новых требований дея, его не трогали.

Казалось, девушки испугались необычных запросов. И насторожились. Шептали друг другу услышанное имя. Имя, которое он рычал, вбиваясь в податливое тело куртизанки. Пойдут слухи. Это совершенно лишнее. Адор поднялся и, натягивая брюки, холодно проговорил девушке, принявшей его семя:

– Инегина? Твоя магия настолько слаба, что без неё ты приносишь мужчине удовольствия даже больше. Отдохни несколько дней, проведи первичные практики восстановления силы. Надеюсь, ты помнишь их?

– Помню, дей Белен, – вытирая промежность мягким полотенцем, тихо ответила куртизанка.

Адор посмотрел на неё: девушка и так не хватала звёзд с неба. Слабенькая магия, неумелые иллюзии. Когда-то разрешил ей остаться в левом крыле, потому что несчастной некуда было идти. Денег куртизанка приносила мало, работала лишь на новичков. Понимал, что сейчас делает ей больно – Инегина и сама прекрасно осознавала, что её дар очень слаб. Но лучше осадить одну сейчас, чем завтра наказывать всех.

Накинул рубашку и вышел из алькова. С другой стороны комнат всё ещё доносились стоны. Усмехнулся: долго держится.

– Кто с ним?

– Жельена, дей Белен, – тут же отозвалась Гасия.

– Хорошая магия, – одобчительно проговорил Адор. – Сильные иллюзии. Надеюсь, после довольный дей Рокуш не откажет мне в небольшой просьбе.

Уселся на диванчик и принял бокал с вином из рук одной из девушек. Отпил багровую, тягучую, словно кровь, жидкость и посмотрел на заведующую:

– Кто-то ещё записан на сегодня?

– Дей Жессу вызывал Лицию, но она отказалась. Сказала, что теперь служит только вам.

Адор замер на мгновение, потом медленно поднял голову и, встретившись взглядом с бледной куртизанкой, обманчиво мягко спросил:

– Только мне? – Вспомнил, как она ревниво преградила ему путь в альков и горько усмехнулся: – Мне служат все, Лиция. Поэтому нужно неукоснительно выполнять приказы!

Лиция невольно отступила и прижалась спиной к стене: щёки куртизанки побелели, глаза расширились и болезненно заблестели. Всё потому, что он слишком близко подпустил девушку. Бывает, что куртизанки начинают испытывать чувства и растить собственные иллюзии. Идеализируют сексуального партнёра и придумывают любовь. Тёмная сторона магии секса. Адор был уверен, что такая сильная женщина, как Лиция, не поддастся на эти иллюзии, но ошибся.

После того как он впустил куртизанку не только в свои тайны, но и в свою спальню, а не имел, как остальных, в левом крыле, Лиция возомнила, что особенная, и даже посмела отказаться от клиента. Не просто от постоянного клиента, а от человека, жизнь которого из-за него, Белена, находится в опасности.

Адор не мог позволить даже капли сочувствия. Что заставило куртизанку послушаться? Обратная сторона магии или же её подкупили те, кто охотится за жизнью Жессу? Это нужно выяснить немедленно. Даже если она чиста... Если куртизанка послушалась раз, то слушается и второй. А такие, как Лиция, не имеют на это права. Потому что он больше доверяет, больше отдаёт, больше от них зависит... и вручает свою жизнь. Связывая стигмой, взамен делится своей силой магии крови. Скривился и, опустив голову, сурово проговорил:

– Подойди.

Лиция медленно, как во сне, сделала шаг, затем второй, дрожа и белея всё больше, покачнувшись у дивана и, безвольно рухнув на колени, безнадежно уронила голову так, что чёрные волосы змеями скользнули на почти обнажённую грудь.

Белен бросил короткий взгляд на альков, со стороны которого слышались стоны, и приказал:

– Гасия, заслон.

Заведующая послушно расставила руки так, что из её ладоней, серебрясь и закручиваясь в спирали, потекли струи силы до самых стен. Магия заслона расползлась по помещению, отрезая альковы, занавески и двери. Никто за магическим заслоном не услышит ни звука. Протянул руку и положил ладонь на плечо куртизанки, – Лиция вздрогнула и сжалась, как брошенный под дождём щенок.

– Почему ты отказалась? – тихо спросил Адор. – Скажи мне правду добровольно. – Посмотрел на посиневшие от страха губы и добавил едва слышно: – Пожалуйста...

Лиция вскинула голову и посмотрела умоляюще, на щеках её блестели дорожки слёз, влажные ресницы подрагивали. Сердце Адора пропустило удар, в животе жгутом заворачивался холод дурного предчувствия. То, что куртизанка молчит – плохой знак. Она же испугана до смерти, – стигма не знает жалости – но не может произнести ни слова. Магия? Да, Лиция решила, что хозяин испытывает к ней чувства, и кто-то точно воспользовался этим. Тот, кто мог знать о том, что они часто проводят время... Вздохнул: узнать это можно лишь одним способом. Вот только, если куртизанка нарушила клятву верности, стигма её убьёт.

Сжал округлое белое плечо с изображением розы и слегка подался вперёд. Лиция закричала так отчаянно, словно с неё заживо сдирали кожу. Тело девушки извивалось, глаза закатились, на губах появилась пена. Адор и рад был бы отпустить стигму, но та всё равно покарает нарушителя клятвы. Но, если будет удерживать несчастную, возможно, его сила поможет ей выдержать эту жуткую пытку. Выдохнул ещё одну волну магии, влил в тело куртизанки. Лиция, Лиция... Глупая девочка.

Глава 7

– Селеста!

Распахнула глаза и, ощутив пронзившую виски боль, скривилась. Запрокинула голову и с тоской посмотрела на суровое лицо Гасии. Губы поджаты, глаза сужены, вид такой, словно я совершила жуткое преступление... Собственно, так все считают. Я же убила верховного...

Застонала и повалилась на подушку: всю ночь не спала, всё ждала, когда вернётся дей Белен и закончит начатое. Страшилась, металась на мокрых простынях, сжималась от ужаса и выла от злости. Под утро я так вымоталась, что готова была сама пойти его искать, чтобы высказать в лицо, какой он гад и подлец... да только не знала, куда идти. И вот сейчас только закрыла глаза, как меня уже будят!

– Так и будешь валяться в постели? – сурово спросила Гасия.

– Могу поваляться без постели, – раздражённо буркнула я.

За эту ночь мне так надоело бояться, что, казалось, что-то перегорело в том месте, где рождается эта эмоция. И родилась злость, растущая ярость на каждого в этом чудовищном месте, в которое меня притащили насильно. И в данный момент она готова вылиться на эту женщину в строгом платье, которое так странно видеть в оплоте греха.

– Я не просто Селеста, – грозно начала я, – а дея Селеста Росио!

– О-о, – протянула Гасия и сухо кивнула на стигму розы на моём плече: – По-видимому, уже нет. – Подошла к постели и, нависнув надо мной, как совесть над грешником, глянула так грозно, что даже меня проняло: – И если ты не обладаешь такой силой, чтобы это изменить, Селеста, то начинай новую жизнь.

– Что именно делать? – болезненно скривилась я и потёрла гудящие виски. – Чудовище вызывает в свои покои? – Гасия молча приподняла свои тонкие брови,

выражая непонимание, и я махнула рукой: – Дей Белен приказал доставить меня ему на завтрак?

Гасия слегка наклонилась и, разглядывая меня, серьёзно уточнила:

– Ты сосиска? Или омлет?

Я растерянно моргнула и нервно хихикнула: может, она сумасшедшая?

– О чём вы? Вы в своём уме? Я благородная дея!

Заведующая выпрямилась и, глядя сверху вниз, процедила:

– Дей Белен на завтрак предпочитает омлет, а не благородных дей.

Я помолчала, раздумывая над саркастичными словами Гасии. Похоже, она действительно пришла не для того, чтобы доставить в покои дея. Подозрительно прищурилась:

– А зачем тогда разбудили? На занятия в академию куртизанок?

– А ты хочешь?

– Нет!

– Тогда никто не заставит.

Я замерла и недоверчиво уточнила:

– Правда?

Она почти улыбнулась, я могла поклясться, что видела, как уголки её сухих губ шевельнулись! Но заведующая снова сурово поджала их и вскинула подбородок.

– Куртизанок никто не заставляет учиться, Селеста. Все девочки проходят обучение совершенно добровольно. Но если ты не хочешь идти по этому пути,

придётся выбрать другой.

– Какой? – с надеждой спросила я.

А может, меня отпустят домой? Да, со стигмой замуж выйти уже не получится, зато буду с родными...

– Ты будешь помогать мне по хозяйству, – обрубил мои мечты заведующая. – Мне необходима помощница. – Она снова наклонилась и прошипела рассерженной кошкой: – Но если ты будешь лениться, придётся рассказать об этом дею Белену!

Она многозначительно кивнула на цветущую на моём плече розу, и я побелела. Так вот почему девочки учатся добровольно. Несчастные просто боятся наказания красноокого чудовища, которое заклеямило их. Вспомнила жуткую, пронзающую всё тело боль, словно раздирающую каждую клеточку (даже, казалось, волосы!), нестерпимую и не прекращающуюся до тех пор, пока мучитель не отпустит стигму. Скрипнула зубами – как же я ненавижу дея Белена!

Заведующая вполне одобрительно разглядывала моё лицо.

– Другое дело. А то металась по кровати кошка шипящая. Злость ещё никого до добра не довела... Запомни, Селеста, страх – это хорошо.

– О да, – саркастично хмыкнула я. – Страх – это просто замечательно! Для палача. Запуганные легко подчиняются, не ропщут, не пытаются сопротивляться...

– Ты так молода, – снисходительно перебила меня Гасия и назидательно проговорила: – Страх помогает выжить. Это очень полезная эмоция, которая удержит на краю. Но не нужно становиться его рабой, стоит подружиться со своим страхом, использовать его, словно компас, и тогда он спасёт тебя даже из самого отчаянного положения...

– Да это же невозможно! – воскликнула я. – Злость даёт силы и побуждает к действию, а страх лишь обездвиживает.

– Злость ослепляет, – возразила Гасия. – Я видела, как самые сильные маги теряли жизни, поддавшись ей, уступали более слабым. Поверь, ярость – плохой советчик. Боец с мечом в руке и повязкой на глазах не победит противника.

– А трясясь от страха, конечно же, одержит победу, – иронизировала я. – Оглушит противника стуком зубов? Компас, который советует бежать без оглядки! Что же, я готова им воспользоваться. Можно, побегу домой?

– Нельзя, – бесстрастно ответила Гасия. – Тебе не выйти за ограду без разрешения дея Белена. А компасом пользоваться легко. – Она замолкла на мгновение, многозначительно поглядывая на меня, а я даже подалась вперёд, надеясь услышать то, что поможет сбежать из этого ужасного места. – Всё просто. Что тебе страшнее всего, то и нужно сделать. Вот так работает компас страха.

Я разочарованно передёрнула плечами:

– Что за чушь?

– Утренняя беседа закончена, – сурово проговорила Гасия и бросила на кровать тёмный свёрток. – Одевайся и следуй за мной. Покажу, что нужно делать.

Я уныло развернула не менее унылое тёмно-синее платье, неохотно натянула его прямо поверх сорочки и, застёгивая многочисленные деревянные пуговики на лифе, возмущённо посмотрела на Гасию:

– Жарко в нём! Вы бы ещё меховое принесли.

– Наряды куртизанок намного легче, – ехидно ответила заведующая и, не дожидаясь ответа от меня, хватаящей ртом воздух, вышла из комнатушки. – Туфли у двери – надень. Скорее всего, великоваты, но это лучше, чем ничего.

– Да уж, – проворчала я, всовывая ступни в старые растоптанные калоши, которые туфлями могли именоваться как минимум год назад. – Похоже, до меня их носили все куртизанки этого притона!

Гасия обернулась и вдруг отвесила мне подзатыльник, я возмущённо воскликнула и удивлённо воззрилась на женщину. Та коротко кивнула:

– Это замок дея Белена, магическая академия куртизанок. Ещё раз услышу из твоих уст оскорбления дея или нашего заведения...

– Расскажите чудовищу, помню, – проворчала я, потирая гудящий затылок.

И снова поймала подзатыльник.

– Ай! Да что на этот раз?

– Оскорбление дея, – изогнула бровь заведующая и добавила: – И по таким мелочам я дея не тревожу. Сама справлюсь!

А вот теперь я увидела настоящую улыбку: хищную, устрашающую, и ощутила, как по шее пробежался колкий морозец. Что-то расхотелось пререкаться с этой дамой. Кивнула:

– Что делать-то?

Она величественно поплыла по прохладному коридору, а я, сжимаясь и неловко ёжась, зашаркала в растоптанных туфлях.

– Гасия, – не выдержав, взвыла я, – а где у вас отхожее место? Не могу больше терпеть...

Через несколько минут выскочила на улицу, полегчавшая и довольная, а у двери нетерпеливо поджидала заведующая. Пождав губы, – словно сама питалась пылью и сие место не посещала в принципе, она сухо кивнула и пошла по дорожке. Под ногами захрустели мелкие серо-коричневые камешки. Я протянула руку и провела ладонью по аккуратно подстриженным кустам, покачала головой:

– У вас отличный садовник!

– У нас нет садовника, – даже не обернулась она. – Это девочки увлекаются... на досуге. В академии не запрещают заниматься тем, что нравится. В отведённое для этого время, разумеется.

– Ага, – очень тихо проворчала я, отдёргивая руку, – делай что хочешь... когда не лежишь на спине с разведёнными ногами.

Сказать громче не решилась, – затылок ещё ныл, – но и промолчать не в силах. Но Гасия всё равно услышала. Она резко остановилась и посмотрела на меня так, что я подумала – сейчас дым пойдёт!

– Для благородной деи у тебя неблагородный язычок, – сухо произнесла она. И вдруг по-настоящему улыбнулась: – Девочкам ты понравишься.

– А они мне? – напряжённо уточнила я.

Улыбка на желтоватом лице заведующей оставляла странное ощущение: словно молния в чистом небе или неземной красоты бабочка на голове ядовитой гадюки.

– Сейчас и увидим, – неопределённо ответила Гасия и снова направилась по дорожке вдоль высокого здания.

Чтобы не думать о предстоящей встрече с «девочками», я принялась рассматривать сие строение. Действительно, замок! Огромный и чудовищно уродливый, но при этом величественно очаровательный, он напоминал невероятных размеров птицу с распахнутыми крыльями. Основное здание, откуда мы с Гасией вышли, было трёхэтажным, содержало покои деи Белена, комнаты прислуги и даже, как выяснилось, бальный зал! Только зачем он куртизанкам – понятия не имею.

Правое крыло действительно отвёл для магической академии. Там же было и общежитие для «девочек», которые проходили обучение... как вдруг выяснилось – совершенно добровольно. Вот только верилось с трудом, что они сознательно подвергали себя жуткой пытке стигмой.

Левое крыло... в определённые часы закрыто для всех, кроме дея Белена и заведующей. Я думала, что Гасия – заведующая академией, но она руководит всем замком. Остаётся удивляться, как она всё успевает.

У большой деревянной кадушки полоскали бельё две смеющиеся девушки, я оценила белые бёдра, которые виднелись из-под заткнутых за пояс юбок, и ехидно уточнила у Гасии:

– Так вот как куртизанки развлекаются... в свободное время?

– Что? – непонимающе нахмурилась Гасия и неодобрительно покачала головой. – Селеста, не перегибай палку. Это обыкновенные служанки. В этих девушках нет магии, и академия для них закрыта.

– Кстати, – встрепенулась я, – а зачем нужна магия? – Помялась и выдавила: – В этом деле?

– В сексе? – приподняла брови Гасия и, неопределённо хмыкнув, покосилась лукаво: – А зачем тебе знать? Ты же отказалась учиться.

Я поджала губы и засопела: ну и ладно! Не очень-то хотелось знать. Гасия смерила меня насмешливым взглядом и решительно направилась через небольшой дворик к аккуратной деревянной двери. Я неохотно двинулась следом и растерянно заморгала в полутьме, в которую попала после яркого солнечного двора. Пахло приятно: остро-пряными травами и округло-мягкими аромасламами. До самого конца коридора морщила лоб, пытаюсь вспомнить название, и только когда Гасия открыла очередную дверь, меня осенило:

– Нероли!

В небольшом светлом помещении воцарилась удивлённая тишина. Я ощутила себя в перекрёстном обстреле любопытными взглядами и слегка смутилась. Своим восклицанием я привлекла внимание высокого молодого человека с гладко выбритым лицом и бархатно-тёмными глазами, да трёх девушек в весьма откровенных нарядах – не таких вульгарных, как на той куртизанке, с которой я застала дея Белена, но всё же... Юбки по колени, высокие разрезы по бокам, глубокие декольте. Невольно оттянула узкий ворот своего жутко жаркого платья и с шумом втянула воздух.

Мужчина тут же подскочил ко мне и, весьма вежливо придерживая за локоть, взволнованно уточнил:

– Вам плохо? – Обернулся к девушкам: – Скорее принесите воды! Дея так покраснела... Кажется, это тепловой удар!

– Ах, дей Прер, – притворно заволновалась одна из девиц, которые и не думали спасать меня от жары, – скорее расстегните ей ворот, а то девушка задохнётся! – Мужчина послушно прикоснулся к моей шее, я вскрикнула и отпрянула, а довольные девицы расхохотались. Та, что посоветовала раздеть меня, едко усмехнулась: – Задохнётся от чрезмерно раздутого чувства собственной важности!

Гасия выступила вперёд, но произнести ничего не успела. Вспыхнув до кончиков волос, я выпрямилась и бросила наглой девице:

– Похоже, в столице врут, что в магической академии куртизанок учат доставлять мужчинам удовольствие. Такая язва, как ты, может доставить лишь несварение...

Подружки «язвы» притихли, а она сама резко поднялась и шагнула ко мне. Мужчина поспешно отступил. Я победно улыбнулась, и это ещё больше разозлило будущую куртизанку. Гасия с интересом наблюдала за нами и вмешиваться не спешила.

Я подобралась и приготовилась к битве: как бы отец ни ругался, мы с Вирдесом постоянно убегали в селение, где дрались с местными детьми... То есть мой друг дрался с мальчишками, а я соревновалась в острословии с девчонками. Так что если эта пигалица решила запугать изнеженную благородную дею – её ждёт сюрприз!

Глава 8

Девушка быстро подошла, широко улыбнулась и вскинула руки. Я заслонила в ожидании пощёчины, но ученица сложно переплела пальцы, и на меня

обрушился настоящий магический вихрь. Зажмурившись, я сжала губы и наклонилась вперёд: дышать совершенно невозможно, а тем более что-то произнести. Ничего не видно, я шарила вокруг, пытаюсь в сером завывающем смерче схватить куртизанку, заставить прекратить это, но вихрь лишь усилился. Платье завернулось вокруг ног, я покачнулась и, не в силах устоять, рухнула на пол. Тут же всё прекратилось, сквозь звон в ушах пробивался смех.

Я сидела и мотала головой: по щекам катились слёзы, перед глазами мелькали разноцветные круги. Это всё ещё магия или последствия? Обхватила голову и, ощутив растрёпанные волосы, слабо застонала. Кошмар! Как же я выгляжу сейчас? Воображение живо нарисовало картинку: юбка спеленала ноги, волосы в разные стороны, взгляд ошарашенный. Вот стерва!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/korotaeva_ol-ga/magicheskaya-akademiya-kurtizanok

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)